

IV.

Характеръ второго фазиса просвѣтительной дѣятельности Екатерины — Екатерина и европейское общественное мнѣніе этихъ годовъ — Дидро, какъ его представитель.—Его впечатлѣнія въ Россіи, уклончивость объясненій Екатерины.—Его проектъ политической реформы.—Отношеніе его и Екатерины къ религиозному вопросу.—Ультиматумъ Дидро и общее впечатлѣніе императрицы.—Послѣдствія его для вопроса о переизданії «Энциклопедіи» въ Петербургѣ.—Екатерина и русское общественное мнѣніе — «Исправленіе нравовъ» занимаетъ мѣсто философскаго законодательства.—Попытка изданія нравовоспитательного журнала (Всякая Всѧчина).—Отношеніе къ нему общественного мнѣнія въ другихъ органахъ и полемика императрицы съ этими органами.—Соціальная сатира Трутня и отношеніе къ ней журнала Екатерины.—Споръ о границахъ, премахъ и цѣляхъ публицистики.—Нейтральная почва въ восхваленіи «древнихъ» добродѣтелей русскихъ и въ нападкахъ на французоманію.—Происхожденіе націоналистического протеста и карикатурныхъ типовъ сатирическихъ журналовъ.—Новиковъ пробуетъ стать на почву націоналистической карикатуры въ «Живописцѣ».—Неудачный опытъ восхваленія національныхъ добродѣтелей въ «Кошелькѣ».—Характеръ лучшихъ журналовъ 1769—1774 гг.—Роль публициста при Екатеринѣ.

Мы переходимъ теперь ко второму фазису въ развитіи просвѣтительныхъ идей Екатерининского времени. Передовая мысль Европы шагнула къ этому времени далеко впередъ сравнительно съ эпохой молодости Екатерины. Напротивъ, Екатерина успѣла «обжечь себѣ пальцы» на первыхъ опытахъ осуществленія идей своей молодости. «Духъ времени» ушелъ впередъ; духъ власти подался назадъ; такимъ образомъ разрушилась та кажущаяся гармонія между тѣмъ и другимъ, которою характеризовался первый періодъ дѣятельности Екатерины. Съ своимъ практическимъ умомъ, императрица очень скоро отдала себѣ ясный отчетъ въ этомъ внутреннемъ противорѣчіи, принятой на себя роли. Но отдавать въ этомъ отчетъ другимъ, разумѣется, не могло входить въ ея планы. Такимъ образомъ, самой характерной чертой второго фазиса явилось недоразумѣніе во взаимныхъ отношеніяхъ общественного мнѣнія и власти. Общественное мнѣніе Европы ждало отъ Екатерины логическихъ выводовъ изъ первыхъ шаговъ ея реформаторской дѣятельности. Нарождавшееся общественное мнѣніе Россіи, призванное этими самыми шагами къ жизни и дѣятельности, только что собиралось заявить о себѣ. Оба оказались плохо освѣдомленными относительно истинныхъ намѣреній императрицы.

Результатомъ такого недоразумѣнія были первыя, болѣе или менѣе мягкія столкновенія императрицы съ общественнымъ мнѣніемъ. Одно изъ этихъ столкновеній—съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, сохранялось, въ полномъ своемъ размѣрѣ, втайне до самаго послѣдняго времени. Я разумѣю разговоры императрицы съ Дидро, настоящимъ депутатомъ отъ передовой Европы въ Петербургѣ. Другое столкновеніе, менѣе глубокое принципіально, но зато болѣе видное для всѣхъ и чувствительное для Екатерины,—произошло у себя дома, въ русской литературной семье: оно было послѣдствіемъ попытки Екатерины—принять личное участіе въ русской журналистицѣ. Собственно хронологическій порядокъ обоихъ этихъ столкновеній былъ обратный сказанному (бесѣды съ Дидро—1773 г.; столкновеніе съ журналами—1769 г.); но мы нарушимъ на этотъ разъ хронологію и начнемъ съ болѣе принципіального столкновенія, чтобы кончить болѣе жизненнымъ.

Не было человѣка въ Европѣ, болѣе способнаго выполнить единственную въ своемъ родѣ миссію—делегата европейской литературной республики при русской императрицѣ, чѣмъ Дидро. Надо было стоять въ самомъ центрѣ просвѣтительного движения и сдѣлать свое имя символомъ этого движения въ глазахъ друзей и враговъ; надо было имѣть за плечами шестьдесятъ лѣтъ и 28 томовъ «Энциклопедіи»—и при этомъ сберечь юношеское незнаніе людей и вѣру въ идеи. надо было обладать душевнымъ жаромъ и всѣми чарами увлекательной рѣчи и благородной прямоты обращенія: словомъ, надо было такъ полно и цѣльно слить свою личность съ великой цѣлью просвѣтительнаго движения, какъ это было у Дидро, чтобы обезоружить житейскій скептицизмъ Екатерины и заставить ее выслушать все то, что, нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ, отъ трехъ до пяти послѣ полудня, проповѣдывалъ ей Дидро въ своихъ монологахъ, иногда переходившихъ въ оживленные споры *). Надо отдать справедливость Екатеринѣ: она выдержала свою роль великолѣпно и ничѣмъ, ни однимъ жестомъ, ни однимъ словомъ не дала понять увлекающемуся философу, что передъ нимъ не совсѣмъ то лицо, которое онъ создалъ себѣ въ своемъ багатомъ воображеніи **). «Почему Россія управляется хуже Франції?» спрашивала Екатерину ея собесѣдникъ,— и тотчасъ же отвѣчалъ самъ: «потому что свобода личности сведена здѣсь къ нулю, верховная власть слишкомъ еще сильна и естественные права слишкомъ еще урѣзаны... Всякий произволъ дурень: я не исключаю и неограниченной власти доброго, твердаго, справедливаго и просвѣщен-

*) Собственно, Дидро прочелъ Екатеринѣ рядъ записокъ, иногда переходившихъ въ наброски и конспекты для устнаго изложенія.

**) «Я больше слушала его, чѣмъ говорила,—разсказывала Екатерина впослѣдствіи Сегюру,—кто засталъ бы насъ врасплохъ, могъ бы принять его за строгаго педагога, а меня за Почтительную ученицу. Кажется, онъ и самъ такъ полагалъ». Задѣтое самолюбіе императрицы сказалось въ послѣдней фразѣ.

наго государя». — «Понимаете ли вы, что говорите съ неограниченнымъ государемъ», останавливалась философа императрица. — «Да,—горячо подхватывалъ Дидро,—но съ государемъ справедливымъ, твердымъ и просвѣщеннымъ...» «Такой государь пріучаетъ уважать и любить всякаго государя; онъ отнимаетъ у націи право судить, хотѣть или не хотѣть... Одно изъ величайшихъ несчастій, которое можетъ случиться съ свободнымъ народомъ,—это два или три царствованія подрядъ въ духѣ просвѣщенного деспотизма. Три такихъ государя, какъ Елизавета (англійская), и англичане были бы нечувствительно порабощены надолго». — И Екатерина кончала щекотливый разговоръ двусмысленнымъ согласиемъ: «и я такъ думаю (*je le crois*)».

Четырнадцать лѣтъ спустя Екатеринѣ пришлось слушать болѣе ловкую свѣтскую лесть, обращавшуюся не къ «человѣку» въ ней, а къ «императрицѣ» и «женщинѣ». Патентованный куртизанъ, графъ Сегюръ, не могъ конечно, сдѣлать ошибки—смутить ее наивнымъ удивленіемъ передъ имъ же выдуманными качествами и поставить ее въ неловкое положеніе какого-то небывалаго и невѣроятнаго «чуда» на престолѣ. Съ такимъ собесѣдникомъ Екатеринѣ было легче установить взаимное пониманіе, и вдвоемъ они слегка, шутя вспомнили о непрактичномъ философѣ, навязывавшемъ императрицѣ свои беспочвенные мечтанія *). Бѣдный философъ: онъ это предвидѣлъ и съ обычной своей прямотой самъ надѣлъ собой штуки заранѣе. Было не совсѣмъ справедливо и совсѣмъ не великодушно ловить его на словѣ и отдѣльваться отъ его мечтаній простымъ повтореніемъ его же собственныхъ шутокъ. Если Екатерина замѣчала, что ея философъ говоритъ то какъ стольтній старикъ, то какъ десятилѣтній ребенокъ,—то это вполнѣ объяснялось характеромъ Дидро: въ кабинетѣ императрицы, какъ въ кружкѣ парижскихъ друзей, онъ отдавалъ себя всего и рѣшительно не умѣлъ удержать въ себѣ ни малѣйшей мысли, которая пробѣгала въ его плодовитомъ мозгу: онъ сообщалъ «все, что приходило въ голову», и даже считалъ себя обязаннымъ дѣлать это передъ *своей* императрицей—давать ей всю свою мысль безъ прикрасъ, безъ обработки. Что-нибудь можетъ пригодиться ей изъ самыхъ бѣглыхъ намековъ, гово-

*) Въ разговорѣ съ Сегюромъ Екатерина аранжировала ходъ своихъ бесѣдъ съ Дидро такъ, какъ ей хотѣлось думать, что они происходили. Сперва она внимательно слушаетъ, потомъ сразу осаживаетъ философа эффектной репликой и—«я убѣждена, что съ тѣхъ поръ онъ смотрѣлъ на меня съ состраданіемъ, какъ на узкій и вульгарный умъ; онъ говорилъ со мной послѣ того лишь о литературѣ, а политика была исключена изъ нашихъ бесѣдъ». *Dichtung* и *Wahrheit* здѣсь, какъ часто у Екатерины,—безнадежно перемѣшаны; но ясно, что и крутой переломъ въ отношеніи къ ней Дидро и внезапная перемѣна содержанія ихъ бесѣдъ сильно преувеличены въ ея разсказѣ: это своего рода реваншъ за неудачную попытку покорить философа аффективированной простотой обращенія. Обиженнаго неудачей, императрица принимаетъ здѣсь, заднимъ числомъ, величественную позу, утѣшающую ея обиженное самолюбіе.

риль онъ; а если и ничего не пригодится, она узнаетъ «мѣру» философовъ и сократить себѣ трудъ знакомства со всѣмъ ихъ родомъ. И та знаменитая реплика Екатерины, которую она передала Сегюру,— о «все терпящей бумагѣ», на которой работаютъ философы, и «щекотливой человѣческой шкурѣ», на которой работаетъ императрица,— эта реплика теряетъ значительную часть своего эффекта, когда узнаемъ, что здѣсь лишь скопирована собственная скромная оцѣнка Дидро, вѣсколько разъ повторенная имъ передъ императрицей. «Ничего нѣтъ легче, какъ приводить въ порядокъ государство, лежа на подушкѣ. Тутъ все идетъ, какъ по маслу. А когда приходится приняться за самое дѣло, это уже нѣчто совсѣмъ другое». Или: «это своего рода забава для вашего величества—измѣрять разстояніе между философомъ-систематикомъ, который устраиваетъ благосостояніе обществу у себя на подушкѣ, и великой государыней, которая съ утра до вечера наталкивается, при попыткѣ осуществить малѣйшее благо, на всевозможныя препятствія, понимать которыхъ научаетъ лишь опытъ и которые совсѣмъ не входятъ въ расчеты бѣдного философа». Въ бѣсѣдѣ съ Сегюромъ это сопоставленіе фантазера съ государственнымъ дѣятелемъ было, дѣйствительно, только «забавой»; но вообще говоря, тутъ примѣшивалось и то чувство, которое «бѣдный философъ» опять-таки самъ охарактеризовалъ всего лучше. «Когда нужно удалить отъ государей достойнаго человѣка, его выдаютъ за горячую голову, которая все можетъ перепутать».

Мы теперь сами можемъ прочесть эту тетрадку въ красномъ сафьянномъ переплѣтѣ, въ которой Дидро записалъ всѣ свои разговоры съ Екатериной и секретъ существованія которой императрица такъ хорошо сохранила. Философъ здѣсь, дѣйствительно, приходитъ въ отчаяніе отъ своего безсилія передъ русской дѣйствительностью. «Я принужденъ ограничиться общими взглядами, а между тѣмъ я такъ хорошо знаю, что общіе взгляды есть дѣло ординарныхъ людей, и самъ придаю значеніе лишь детальнымъ сужденіямъ, единственнымъ, которыя дѣльны и схватываютъ сущность дѣла». И онъ усиливается вникнуть въ русскую жизнь такъ глубоко, какъ это позволяетъ ему императрица. Вождь «Энциклопедіи» слишкомъ много думалъ о соціальныхъ вопросахъ и слишкомъ хорошо знаетъ исторію,—настоящую культурную исторію собственной страны, чтобы нуждаться въ комментаріи къ тому что онъ видитъ вокругъ себя въ самомъ Петербургѣ. Этотъ городъ «дворцовъ», окруженныхъ пустырями, краснорѣчиво говоритъ ему объ обществѣ, которому не хватаетъ прежде всего организующаго, связующаго общественного цемента. Нужны не одни «дворцы»; нужны «улицы»—рядъ частныхъ домовъ городского промышленного населенія, которые связывали бы «дворцы» между собою. Нужно больше, какъ можно больше населенія, чтобы люди жили ближе, тѣснѣе другъ къ другу; тогда, какъ кремни, они отшлифуются другъ о друга и созда-

дуть жилую общественную атмосферу. Теперь же, изолированные, разбросанные, они существуют каждый самъ по себѣ: въ результатѣ получается отсутствіе всякихъ обязательныхъ правилъ общежитія. Взаимнаго довѣрія не существуетъ; купцы продаютъ вдесятеро дороже свои товары въ кредитъ магнатамъ, рискуя большою частью ничего не получить въ уплату. Законъ остается на бумагѣ. Правосудіемъ торгуютъ открыто. Нѣть общественнаго контроля, нѣть и чувства равенства передъ закономъ, бессильнымъ защитить слабаго отъ сильнаго. Общество, только что пережившее политической переворотъ, чувствуетъ себя такъ неувѣренно, какъ будто почва каждую минуту можетъ уйти у него изъ подъ ногъ. «Долговременная привычка къ гнету» создала общую сдержанность и недовѣріе,—какой-то осадокъ паническаго страха въ умахъ,—«полный контрастъ той благородной и честной прямотѣ, которая характеризируетъ свободный, возвышенный и увѣренный въ себѣ складъ ума француза или англичанина». Наконецъ, въ низшихъ классахъ совершенно отсутствуетъ то чувство самоуваженія, которое можетъ быть создано только улучшеніемъ ихъ положенія, признаніемъ за ними права быть людьми, а не вещами. «Душа раба сподлена; не принадлежа самому себѣ, онъ не имѣетъ интереса о себѣ заботиться и живеть въ грязи и нечистотѣ». «Это жилицъ, который запускаетъ непринадлежащую ему квартиру».

Эти личныя впечатлѣнія, изобличающія глубокаго и тонкаго наблюдателя, Дидро старается пополнить справками и разспросами. Онъ предъявляетъ Екатеринѣ длинный списокъ вопросовъ, на которые она даетъ себѣ трудъ сама отвѣтить, но отвѣчаетъ такъ, что свѣдѣнія Дидро о Россіи увеличиваются незначительно, и притомъ не особенно надежнымъ материаломъ. На вопросъ, предложенный такъ недавно самой Екатериной вольному экономическому обществу, «не имѣть ли дурныхъ послѣствій неимѣніе собственности крестьянами»,—Екатерина теперь отвѣчаетъ болѣе чѣмъ уклончиво: «каждое государство имѣть свои недостатки, пороки и неудобства». Очень оптимистичнымъ, но совсѣмъ неубѣдительнымъ выходитъ отвѣтъ на прямой вопросъ Дидро, существуютъ ли опредѣленныя условія между помѣщиками и крестьянами? «Условій нѣть, но всякий благоразумный хозяинъ бережетъ корову, которую доитъ. Когда законъ молчитъ, естественный законъ занимаетъ его мѣсто,—и часто такое положеніе вещей оказывается не хуже, такъ какъ по крайней мѣрѣ оно создается естественнымъ путемъ, сообразно существу дѣла». Разъ только, отвѣчая на вопросъ о сословіяхъ въ Россіи, Екатерина увлекается и высказываетъ свое собственное настроеніе, вынесенное изъ опыта съ Комиссіей депутатовъ. Ей, очевидно, хочется тутъ убѣдить философа—стать на ея сторону во имя своихъ собственныхъ принциповъ. По ея словамъ, дворянство, горожане и крестьяне (духовенство здѣсь, какъ и въ своей Комиссіи, Екатерина игнорируетъ), «всѣ эти три класса людей, въ защиту своихъ

притязаний, потрясаютъ воздухъ самыми громкими словами: землевладѣцъ взываетъ къ правамъ собственности; купецъ—къ правамъ свободы; народъ—къ правамъ чуманности». Послѣ этого любопытнаго, хотя не совсѣмъ спокойнаго резюме извѣстной уже намъ партійной борьбы въ Комиссіи, Екатерина развиваетъ собственную точку зрѣнія. «Чего особенно слѣдуетъ бояться—это увлечься духомъ партіи. Партийный духъ—это судья, который властвуетъ на просторѣ, пользуясь новизной просвѣщенія,—судья пристрастный, у котораго больше увѣренности, чѣмъ знанія; который упорно дѣлается за то, что ему удается уловить въ потемкахъ, ни отъ чего не отказывается, потому что неспособенъ къ точному пониманію, и рѣдко позволяетъ себѣ переубѣдить, такъ какъ мнѣнія лишь тогда становятся гибкими, когда вытекаютъ изъ колебаній и когда пытаются мыслю, а не темпераментомъ. Всякій законъ, изданный для всей націи, долженъ имѣть источникомъ общее благо; когда сила и невѣжество отдаляются отъ этого принципа, то получаются акты деспотизма и заблужденія, противъ которыхъ протестуютъ разумъ и справедливость: это дни бѣдствій, конца которыхъ люди ждутъ съ нетерпѣніемъ».

Зная, что за этой горячей тирадой противъ «партийного духа» немедленно послѣдовало дворянское законодательство Екатерины (Уложение о губерніяхъ 1775 г. и жалованная грамота дворянству 1785), можно спросить себя, что же это значитъ? Имѣемъ ли мы дѣло съ послѣднимъ воплемъ отчаянія передъ сознанной уже невозможностью законовъ для «общаго блага» и необходимостью партійного законодательства; или, наоборотъ, съ твердой увѣренностью, уцѣльвшей среди испытаній,—что «разумъ» и «справедливость» могутъ еще восторжествовать надъ «партийнымъ духомъ» господствующаго сословія, или, наконецъ, просто съ желаніемъ говорить съ философомъ на его языкѣ?

Не можетъ быть, конечно, чтобы Дидро вовсе ничего не зналъ о колебаніяхъ Екатерины. Кое-что про закулисную исторію Комиссіи долженъ былъ разсказать ему его спутникъ въ путешествіи и холдинъ въ Петербургѣ, извѣстный намъ лидеръ интеллигентнаго дворянства, А. Нарышкинъ. Безъ этого трудно объяснить тотъ тревожный тонъ, съ которымъ Дидро проситъ Екатерину сдержать свои обѣщанія и продолжать свое покровительство Комиссіи. Противъ интригъ придворныхъ, противъ зависти, убѣждений, просьбъ и клеветы онъ заклинаетъ ее оставаться непреклонной. «Обѣщаніе,—а тѣмъ болѣе публичное обѣщаніе,—данное государемъ, должно быть священно». «Особенно пусть ваша собственная воля не нарушаетъ публичныхъ обязательствъ. Не подрывайте довѣрія, которое вамъ оказывають; иначе народъ перестанетъ вамъ вѣрить: оставьте недовѣріе народа въ удѣль другимъ государямъ, которые вызываютъ смѣхъ своими клятвами... Если скажутъ: Екатерина II никогда ничего не обѣщала, чего бы она не сдержала, то при равенствѣ величія вы будете имѣть надъ

прусскимъ королемъ преимущество честности и доброты». «Пусть в. в. не потерпитъ, чтобы засѣданія Комиссіи и ея дѣятельность, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, были потревожены, ея кругъ дѣйствій ограниченъ или расширенъ, ея прерогативы увеличены или уменьшены, ея привилегіи уничтожены, ея почетная роль ослаблена. Первый толчокъ къ упадку ея будетъ уже непоправимъ. Это великое зло, когда люди знаютъ, что можно нападать на Комиссію и нападать успѣшно».

О чёмъ бы ни говорилъ Дидро,—о правѣ, экономіи, финансахъ, народномъ образованіи, успѣхахъ культуры вообще, о вѣшней политикѣ,—его мысль всегда возвращается къ судьбѣ Комиссіи. Онъ не навидитъ войну, изъ года въ годъ отвлекающую мысли Екатерины отъ законодательства. Онъ хотѣлъ бы на ея «пирамидѣ» начертать «годъ первый» (царствованія Екатерины); а между тѣмъ, «драгоценные годы текутъ,—и в. в. нѣть возможности заняться своими великими планами для блага страны». «Мнѣ не жаль людей: люди народятся вновь; не жаль и казны: казна наполнится, но кто вернетъ народу истекшіе годы? Вотъ истинная, невознаградимая потеря, которая приводить въ отчаяніе всѣхъ честныхъ людей въ Европѣ, вздыхающихъ по результатамъ первоначальныхъ намѣреній императрицы».

Ошибочно было бы думать, однако, что Дидро просто желаетъ возобновленія засѣданій Большой Екатерининской Комиссіи. Его мечты идутъ гораздо дальше: тутъ мы встрѣчаемся съ самой главной мыслью всѣхъ его разговоровъ съ императрицей. Исходя отъ факта созыва Комиссіи, который онъ понимаетъ, какъ «благородный актъ отказа государя отъ законодательной власти», Дидро горячо доказываетъ, что для прочности и полноты реформы Комиссію надо сдѣлать постоянной. «Если задачей императрицы было обезсмертить свое собственное имя, то эта цѣль достигнута». Чѣмъ хуже будуть ея преемники, тѣмъ больше славы они прибавятъ Екатеринѣ. Но, конечно, *его* императрица думаетъ не о собственной славѣ, а о счастіи потомства. Въ такомъ случаѣ, она должна обѣ этомъ при себѣ позаботиться. «Петръ I и Екатерина—рѣдкія явленія; было бы безумствомъ разсчитывать на частое повтореніе такой милости неба». Въ государствѣ только одинъ дворецъ и кругомъ него 400.000 частныхъ домовъ: въ одномъ случаѣ изъ 400.000 дары генія упадутъ съ неба на дворецъ; въ остальныхъ они попадутъ мимо. Какъ во всякой семье, между двумя хорошими членами здѣсь будетъ длинный рядъ злыkhъ или глупыхъ; и даже въ хорошемъ государѣ, не часто совпадутъ всѣ хорошия свойства. Онъ можетъ быть добръ и образованъ, но слабъ и лѣнивъ; добръ, но не образованъ и т. д. Противъ всѣхъ такихъ возможностей необходимо заблаговременно принять мѣры, чтобы предотвратить ихъ вредныя послѣдствія. Для этого недостаточно созвать націю и составить законы. Законы суть писанная бумага; за ними должно стоять «физическое существо, постоянное, неизмѣнное, оно должно го-

ворить и действовать, тогда какъ мраморъ нѣмъ и непроченъ». Такимъ тѣломъ послужитъ Комиссія, если сдѣлать ее постоянной и дать право провинціямъ назначать туда и контролировать своихъ представителей.

«— Вы, значитъ, совѣтуете мнѣ устроить парламентъ на англійскій образецъ,—прерывала Екатерина въ этомъ мѣстѣ своего собесѣдника?

«— Если бы ваше величество могли создать его по мановенію волшебного жезла, то я думаю, завтра онъ уже существовалъ бы», отвѣтилъ Дидро.

Нѣтъ, это не былъ бы англійскій парламентъ. Даже превращенная въ постоянное представительное учрежденіе, Комиссія «никогда не могла бы получить такой силы; развѣ только при отдаленныхъ потомкахъ, она приобрѣла бы недостатки и преимущества англійского парламента». Но Дидро не желалъ бы видѣть русскую Комиссію и такою слабою, какъ французскій судебній парламентъ. Онъ подробно объясняетъ Екатеринѣ историческія причины безсилія французскаго парламента,—чтобы она могла устранить эти причины изъ своего законодательства. Русской Комиссіи онъ желалъ бы «дать всю ту прочность и организацію, какія совмѣстимы съ общественнымъ спокойствіемъ».

Отъ власти зависить, какую часть верховныхъ правъ она передастъ будущей постоянной Комиссіи. Но отчужденная разъ въ ея пользу права—необходимо оградить отъ произвола преемниковъ. Пусть Комиссія не вмѣшивается ни въ военные дѣла, ни въ иностранную политику, ни въ финансы; пусть она только охраняетъ существующіе законы и подготавливаетъ новые. Пусть она, однако, имѣеть право петицій, и пусть тѣ петиціи Комиссіи, важность которыхъ для общественаго блага будетъ доказана повтореніемъ ихъ, обязательно будутъ удовлетворямы.

Дидро съ энтузіазмомъ перечисляетъ всѣ тѣ преимущества, которыя такое учрежденіе доставитъ самой верховной власти,—въ томъ числѣ и возможность для нея стать съ помощью Комиссіи выше «партійнаго духа» сильныхъ членовъ общества, не рискуя подвергнуться личной опасности съ ихъ стороны. Онъ доказываетъ, далѣе, полную безвредность Комиссіи для верховной власти. «Словомъ,—заключаетъ онъ,—если даже это учрежденіе будетъ однимъ только признакомъ свободы, оно все-таки будетъ имѣть вліяніе на національный духъ: нужно, чтобы народъ или былъ свободенъ,—что, конечно, самое лучшее,—или по крайней мѣрѣ чтобы считать себя свободнымъ, такъ какъ такая увѣренность влечетъ за собою самые цѣнныя результаты. Пусть же в. н. создастъ эту великую реальность или великий фантомъ, пусть сдѣлаетъ его настолько великолѣпнымъ, блестящимъ, почетнымъ какъ только сможетъ, и пусть будетъ увѣрено, что можно стѣснить, но никакъ нельзѧ заковать въ оковы ребенка, который рождается на свѣтъ съ четырьмя стами тысячами рукъ. О Монтескье, зачѣмъ не

ты на моемъ мѣстѣ! Какъ бы ты говорилъ! Какъ бы тебѣ отвѣчали!
Какъ бы ты слушалъ! Какъ бы выслушали тебя!»

Дидро тоже былъ выслушанъ и получилъ отвѣтъ. Мы можемъ судить о содержаніи этого отвѣта по его дальнѣйшей репликѣ. Ему поставили, очевидно, на видъ, что даже такой «фантомъ» представительства, какимъ онъ ограничилъ свои мечты, не могъ бы быть осуществленъ въ виду полнаго равнодушія населенія къ какому бы то ни было представительству. Ему указанъ былъ тотъ несомнѣнныи фактъ, что въ то время, какъ онъ требовалъ увѣковѣченія Комиссіи,—депутатамъ самой Комиссіи даже и немногіе мѣсяцы ихъ засѣданій казались черезчуръ долгими, и они спѣшили разъѣхаться по домамъ. Дѣйствительно, въ каждомъ почти засѣданіи Комиссіи находились депутаты, которые пользовались предоставленнымъ имъ правомъ сдать свое полномочіе товарищамъ. Дидро не могъ знать, что эти факты допускали и другое толкованіе. Онъ былъ, очевидно, сильно огорченъ неожиданнымъ возраженіемъ; но и тутъ не подумалъ отступиться отъ самой идеи постояннаго представительства. Онъ только видоизмѣнилъ свое прежнее предложеніе. «Въ виду равнодушія членовъ Комиссіи», онъ предлагалъ теперь уменьшить число представителей, сдѣлать представителями провинцій чиновниковъ коллегій, какъ постоянныхъ жителей столицы. Каждый изъ нихъ могъ представлять одинаковое количество провинцій и обязывался справляться съ ихъ мнѣніемъ въ важныхъ случаяхъ. Во всякое время провинція сохраняла право послать въ Петербургъ настоящаго представителя, къ которому и переходилъ тотчасъ же голосъ соотвѣтствующаго постояннаго резидента. Мы видимъ, что при глубокой вѣрѣ въ принципъ, у Дидро не было недостатка въ готовности пожертвовать самыми существенными чертами своего идеала, чтобы приблизить моментъ его практическаго осуществленія. Но ни готовность къ практическому компромиссу, ни ясное пониманіе политической дѣйствительности собственной страны, ни тонкія наблюденія надъ положеніемъ самой Екатерины во вѣнчайшей политикѣ, ни даже совпадавшіе съ собственными взглядами Екатерины совѣты—обезвредить вѣльможъ наградами, ввести въ Россіи вездѣсущую французскую полицію (чтобы обеспечить силу закона) и др., — ничто не спасло Дидро отъ репутаціи празднаго фантазера. Мы увидимъ, однако, что предложеніе его относительно Комиссіи не прошло безслѣдно (стр. 332).

Нельзя пройти молчаніемъ еще одну сторону разговоровъ Дидро съ Екатериной,—ут которая касалась вопросовъ религіозныхъ. Въ религіи, какъ въ политикѣ, Дидро старался дать понять императрицѣ, что она отстала отъ передовыхъ взглядовъ европейскихъ «философовъ». Вольтеровскій деизмъ уже не удовлетворялъ энциклопедистовъ. «Деистъ отрѣзалъ у гидры дюжину головъ, но изъ той, которую онъ оставилъ, возродятся вновь всѣ остальные». Деисты продолжаютъ спорить между собой о предопределѣніи и о свободной волѣ, о бессмертіи души и за-

гробныхъ мухахъ. Самые просвѣщенные изъ нихъ допускаютъ, что высшее существо можетъ сердиться и успокаиваться. Но такому существу нуженъ кульпъ; его нельзя, какъ боговъ Эпикура, сослать въ надзвѣздную пустоту и усыпить въ полномъ бездѣйствіи. Все это служить новымъ источникомъ старыхъ явлений, столь знакомыхъ и столь ненавистныхъ философу: нетерпимости и суевѣрія. Такъ, въ рукахъ у дѣства вновь выростаютъ отрубленныя головы старой католической гидры. Различіе терпимости и вѣры отъ нетерпимости и суевѣрія изъ принципіального превращается при этомъ въ случайное и условное, изъ качественаго—въ количественное. Терпимость оказывается просто временнымъ оружиемъ слабыхъ, пока они не станутъ сильны. Вѣра, по словамъ Гоббса, становится тѣмъ же «суевѣріемъ, разрѣшеннымъ закономъ», а суевѣріе—той же «вѣрой, запрещенной закономъ».

Екатерина не хотѣла слушать. О Богѣ и о прусскомъ королѣ она запрещала Дидро разговаривать съ ней. Но философъ не унимался. Пусть такъ, пусть религія нужна ей, какъ политическое средство: но онъ будетъ доказывать, что это плохая политика для монарха—признавать власть выше себя, и что единственной правильной политикой было бы «свести богословіе къ двумъ страничкамъ и держать поповъ въ приниженіи и невѣжествѣ». Чѣмъ святѣе и образованнѣе духовенство, тѣмъ оно опаснѣе для государства.

Какъ должна была смеяться про себя Екатерина, когда французскій мыслитель горячился передъ ней по этому поводу! Развѣ въ своей жизни, въ самомъ началѣ царствованія, она, дѣйствительно, подъ вліяніемъ Вольтера, сдѣлала faux pas, начавъ сурово преслѣдовать несговорчиваго русскаго архіерея, Арсенія Мацѣевича. Но съ тѣхъ поръ она успѣла убѣдиться, что ей нечего заботиться о приниженіи и невѣжествѣ русскаго духовенства. Напротивъ,—принять совѣты философа и не сказать ни слова о Богѣ въ будущемъ уложеніи, начать свой Наказъ, вмѣсто молитвенного обращенія, теоріей общественнаго договора и признаніемъ народнаго верховенства,—вотъ гдѣ заключалась настоящая опасность для Екатерины.

Вернувшись за границу, Дидро написалъ новыя «замѣтки по поводу Наказа», въ которыхъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ читанныхъ передъ Екатериной запискахъ, подчеркивалъ принципіальную сторону своихъ политическихъ и философскихъ воззрѣній. Екатерина или не знала, или игнорировала этотъ ультиматумъ философа, ставившаго теперь ребромъ вопросъ: хочетъ ли она искренно, или вовсе не хочетъ отречься отъ своего деспотизма. Можно подозрѣвать, что на этотъ—или подобный—документъ Екатерина отвѣтила вопросомъ, переданнымъ Дидро черезъ Гrimма (1776): «Въ своемъ ли умѣ онъ былъ, когда писалъ это?» Во всякомъ случаѣ, мы знаемъ отзывъ Екатерины о «замѣткахъ», прочтенныхъ ею послѣ смерти философа (1784) въ его бумагахъ: «Это болтовня,

не обнаруживающая ни знанія дѣла, ни проницательности, ни благоразумія». Однако же, въ этомъ наброскѣ ничего не было, что не было бы высказано въ болѣе мягкой формѣ во время бесѣдъ Дидро съ Екатериной. И, конечно, уже эти бесѣды должны были показать Екатеринѣ, куда ведутъ последовательные выводы изъ теорій ея старыхъ авторитетовъ, Монтескье и Вольтера. Обезоруженная наивностью философа и привлекательностью личныхъ сношеній, Екатерина могла продлить до конца его иллюзію; но она вовсе не хотѣла, чтобы его идеи распространялись въ русской публикѣ. Этимъ объясняется неудача того практическаго предложения, съ которымъ Дидро пріѣхалъ въ Россію. Увлекшись личными сношеніями съ императрицей, философъ отложилъ это свое собственное дѣло до конца: «мое поведеніе стало отъ этого болѣе достойнымъ и возвышеннымъ», замѣчалъ онъ въ одномъ интимномъ письмѣ. Но мнительному философу нечего было краснѣть за то предложеніе, съ которымъ онъ намѣревался обратиться къ Екатеринѣ. Когда-то прежде, всего девять дней послѣ возвращенія, Екатерина сама предложила Дидро перенести въ Россію печатаніе Энциклопедіи, которую преслѣдовали и уродовали въ Парижѣ. Теперь, доведя искаженное изданіе до конца (1772), Дидро предлагалъ Екатеринѣ издать въ Россіи новое изданіе, исправленное и улучшенное, гдѣ онъ думалъ возстановить всѣ пропуски и искаженія цензоровъ и издателей. Въ материальномъ отношеніи предпріятіе обѣщало блестящій и вѣрный успехъ; Дидро просилъ только 40.000 р. аванса, чтобы имѣть возможность начать дѣло. Екатерина отослала его къ Бецкому, который затянуль переговоры, вель себя «сфинксомъ», послѣ долгихъ проволочекъ отказалъ, потомъ, какъ будто подъ давленіемъ императрицы, согласился, потомъ отказалъ окончательно. Чтобы понять секретъ этой комедіи, философъ долженъ былъ бы знать, что Екатерина даже свой собственный Наказъ, казавшійся ему такимъ умѣреннымъ и отсталымъ сравнительно съ передовой мыслью энциклопедистовъ, разрѣшила имѣть только въ присутственныхъ мѣстахъ «единственно для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ, и чтобы оный никому, ни изъ низшихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ не только для списыванія, но ниже для прочтенія даванъ не былъ» (1767).

Только что приведенная цитата какъ нельзя лучше подчеркиваетъ ту огромную разницу, какая существовала въ положеніи европейскаго и русскаго общественнаго мнѣнія относительно Екатерины и ея просвѣтительной дѣятельности. Судъ и критика существовали для Екатерины только въ Европѣ; и тутъ она принимала всевозможныя мѣры, чтобы повлиять на приговоръ. Въ Россіи роли мѣнялись. Судьей была здѣсь сама она,—она одна. Общество было подсудимымъ, призваннымъ выслушать надъ собою строгій, но справедливый приговоръ. Поведеніе депутатовъ въ Комиссіи явилось непредвидѣнной помѣхой, обнаружило обстоятельства, не зависящія отъ личной воли императрицы. Но это

николько не нарушило цельности и стройности взгляда Екатерины на свои задачи. Даже напротивъ: Екатерина должна была утвердиться въ своемъ исходномъ убѣжденіи, что она одна противъ всѣхъ. Всѣ проинкуты «духомъ партій»; она одна стремится къ «общему благу». «Люди глупы и неблагодарны; они сами не понимаютъ, въ чемъ ихъ прямое добро состоитъ». Но что же изъ этого? «Человѣкъ, старающійся дѣлать или добро, или великія дѣла для того, чтобы заслужить отъ своихъ согражданъ благодарность, и узнавъ послѣ, что они неизнательны и глупы,—для сей одной причины теряющей бодрость духа и охоту подавать имъ всякаго рода помошь въ ихъ недостаткахъ,—конечно ошибается въ своемъ предметѣ... Для великой души трудъ, ею приемлемый, есть путь, не зависящій ни отъ какихъ постороннихъ приключений и препятствій. Прямая великость души состоять въ томъ, чтобы дѣлать добро для того, что оно есть добро, а не для того, что люди суть благодарны; слѣдовательно, и не переставать дѣлать добра для того, что люди суть неблагодарны... Потомство не будетъ страстно; оно разберетъ, оно справедливо судить будетъ» («Всякая Всячина»). Итакъ, Екатерина будетъ «тверда»: «встрѣчающіяся бури» лишь заставятъ ее перемѣнить таинику и сдѣлаются «способами ко пріобрѣтенію новыхъ славъ».

«Когда я отчиваюсь разрушить что-либо прямо, противъ того я веду подкопъ», такъ выразилась Екатерина въ разговорѣ съ Дидро, говоря о томъ же самомъ: о «препятствіяхъ» на пути къ «ясно сознанной ею цѣли». На языкѣ тогдашней теоріи это можно бы было выразить такъ. Если я не могла осчастливить человѣчество новыми законами, то, очевидно, потому, что законы зависятъ отъ «нравовъ», отъ «народнаго умоначертанія». Слѣдовательно надо начать съ другого конца: съ «исправленія нравовъ». Такова, навѣрное, была логическая нить (только о ней мы здѣсь говоримъ), приведшая Екатерину отъ идеи ея Наказа къ ея опыту воспитанія «новой расы людей» и къ ея попыткамъ дѣйствовать на русскіе «нравы» путемъ публицистики и театра. Это были тѣ «мины», о которыхъ императрица говорила Дидро.

Судьбу педагогическихъ опытовъ Екатерины мы уже знаемъ (Оч. II, 314—318). Судьба ея публицистическихъ попытокъ для насъ особенно интересна въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ здѣсь ожидала Екатерину неудача совсѣмъ особаго рода, вовсе не походившая на тотъ «партійный духъ» депутатовъ Большой Комиссіи, который оказался въ ея глазахъ непреодолимымъ препятствиемъ къ «общему благу». Оказалось, именно, что не только одинъ вождь энциклопедистовъ ушелъ дальше императрицы въ своихъ мечтаніяхъ объ «общемъ благѣ». Въ томъ же направленіи пошли и обогнали Екатерину на открытомъ ею пути—ея собственные «глупые и неблагодарные сограждане».

Въ 1769 году началъ выходить еженедѣльный листокъ «Всякая Всячина». Въ литературныхъ кругахъ было известно, что редакто-

ромъ состоять секретарь императрицы Козицкій; бояре догадливые должны были скоро понять, что руководить журналомъ сама Екатерина.

Съ самаго начала журналъ взялъ тонъ, совсѣмъ необычный для простыхъ литераторовъ. Редакція объявила на первыхъ страницахъ, что попреки читателей для нея безразличны, что «никакая препона не можетъ отвратить (ее) отъ великаго предпріятія»; что она не нуждается въ деньгахъ, такъ какъ «доходъ ея» «есть дань, наложенная на людей, кои работаютъ въ потѣ лица своего»; про саму себя она шутливо утверждала, что она «умна» и что у ней «сердце доброе»; относительно читателя напередъ замѣчала, что «глухимъ трудно слышать проповѣди»; но, впрочемъ, великодушно прибавляла при этомъ: «Я не уничтожаю никакого человѣка, ибо уничтожая онаго, я-бъ самъ себя уничтожилъ; понеже я самъ есь человѣкъ равный ему во всемъ». Еще откровеніе «Всякая Всячина» третируетъ свысока своихъ читателей въ заключительныхъ строкахъ журнала: «Прощайте, господа; я съ великимъ терпѣніемъ часто слушалъ всѣ ваши осужденія и смѣялся отъ чистаго сердца всему тому, за что другой бы сердился, и не пересталя писать, пока мнѣ самому не вздумалось окончить Всякія Всячины: и сю оканчивая, объявляю вамъ, что я приемлю другое ремесло, гдѣ достанутся отъ меня многимъ щедрыя милости».

Взявъ сразу этотъ тонъ — благодѣтеля человѣчества, Всякая Всячина выдерживаетъ его въ теченіе всего времени изданія. Екатерина — невысокаго мнѣнія о своей публикѣ; она выступаетъ передъ ней въ своемъ обыкновенномъ домашнемъ нарядѣ, съ обычнымъ настроениемъ своихъ досужныхъ часовъ. Ея статьи въ журналѣ — это та же небрежная болтовня, съ тѣмъ же parti pris веселости, подчасъ напускной, и остроумія, черезчуръ тяжеловѣснаго, съ тѣмъ же недостаткомъ литературнаго вкуса и чувства мѣры, тѣмъ же «разстеганнымъ» стилемъ и «прыгающими» мыслями, которыми отличается ея интимная корреспонденція. Нѣть только тѣхъ яркихъ и мѣткихъ образныхъ выражений, которые какъ то сами собой, невзначай, высказываются изъ ея головы и стекаютъ съ пера въ ея французской рѣчи. Получается въ итогѣ претенціозный и блѣдный стиль, слишкомъ натянутый, чтобы быть живымъ и остроумнымъ, слишкомъ прѣсный и поверхностный, чтобы быть поучительнымъ*). Однако, редакція «не вѣритъ», что у нея выходить «не смѣшно, но глупо», — и готовится одерживать педаго-

*) На этотъ стиль намекалъ, вѣроятно, Новиковъ въ своемъ Живописцѣ. «Тутъ найдешь писателя, старающагося забавлять разумъ своими сочиненіями, но увидишь, что онъ производить скучу, а смѣется только самъ — блѣдный авторъ! Въ другомъ мѣстѣ увидишь нравоучителя, порицающаго всѣхъ критиковъ и утверждающаго, что сатиры рождаются только нравы, а исправляютъ — нравоученія; но читатель ему отвѣтствуетъ: ты пишешь такъ сухо, что я никогда не имѣю терпѣнія читать твоихъ сочиненій — блѣдный авторъ!» Рѣзкость этихъ характеристикъ смягчалась, правда, тѣмъ, что онъ могли относиться не къ одной только Всякой Всячинѣ.

гической побѣды. Напечатавъ, уже въ январѣ, «усердное поздравленіе»—самой себѣ—съ тѣмъ, что «листки ваши, *каковыми спредь ни будуть*, конечно, останутся отечеству полезными и достопамятными навѣки, ибо такихъ правдъ, *какія вы намъ объщаете*, у насъ еще не бывало»,—редакція торжествующимъ тономъ прибавляетъ отъ себя: «Сие письмо доказываетъ великое уваженіе, кое Всякая Всячина зачинаетъ имѣти въ людяхъ: отъ чего мы сочинители уже часъ отъ часу начинаемъ ходить прямѣе и скоро уже принуждены будемъ нѣсколько загнуть спинную кость назадъ». «Великое уваженіе» читателей затѣмъ быстро прогрессируетъ на страницахъ журнала. Корреспонденты Всякой Всячины скоро находятъ неуважительнымъ обращаться къ редактору просто «господинъ сочинитель». «По причинѣ полезныхъ наставлений», оки пишутъ: «г. наставникъ» или «г. нравоучитель», и не забываютъ въ каждомъ письмѣ сообщить объ успѣхахъ журнала среди публики. Полушутя, полусеръезно, Всякая Всячина объявляетъ, наконецъ, по поводу одного изъ такихъ писемъ,—совершенно въ стилѣ Наказа: «мы не сомнѣваемся о скоромъ исправленіи нравовъ, и ожидаемъ немедленнаго искорененія всѣхъ пороковъ; ибо уже начали твердить наизусть Всякую Всячину, что вышеписаннымъ письмомъ доказывается. Сочинитель онаго важность нашего труда совершенно узналъ, что мы ему чрезъ сие торжественно объявляемъ».

Увы, лавры Всякой Всячины оспаривали у ней съ подюжиной другихъ журналовъ, появившихся немедленно вслѣдъ за нею *). Екатерина послѣшила поставить ихъ на почтительное разстояніе отъ своего журнала. «Государыня моя госпожа Всякая Всячина», привѣтствовалъ ее журналъ Чулкова; «не погнѣвайся на меня, что я наименую тебя родною мою сестрою и сестрою еще большою или старшею, для того что ты прежде вышла на свѣтъ изъ природной утробы, и прошу въ томъ извиненія, что я причитаюсь къ тебѣ роднею. Ты родилась на Парнасѣ, да и я неподалеку оттуда; тебя производила муга, да и меня, я думаю, та же; слѣдовательно, близки мы такъ другъ къ другу, какъ солнце къ огню, которые (одинаково) грѣютъ и освѣщаютъ»... Эта смиренная по формѣ декларациѣ правъ на литературное равенство задѣла Екатерину за живое. Всякая Всячина обидѣлась и жаловалась, что «И то и сіо» обращается съ ней «безо всякаго почтенія». Императрица, очевидно, во все не хотѣла панибратства съ собратьями по оружію и на первый разъ объявила себя не «сестрой», хотя бы и старшей, а развѣ только «бабушкой» прочихъ журналовъ: Это сразу отравило взаимныя отношенія. Журналъ Рубана рѣшительно отвѣчалъ: «мы, бабушка, тебѣ хотя и внучки, однако уже на возрастѣ». А Смѣсь прибавила, что

*) И то и сіо—Чулкова; Ни то ни сіо—Рубана; Смѣсь; Трутень—Новикова; Адская почта—Эмина; Поденщина—Тузова; Полезное съ пріятнымъ—«упражненіе» при сухопутномъ корпусѣ: все это журналы, издававшіеся только въ томъ же 1769 г.

«послѣдніе внучата поразумѣѣ бабушки». Затѣмъ журналы довольно единодушно рѣшили, что «бабушка выжila изъ ума». и принялись усердно слѣдить за ея промахами. Въ концѣ концовъ и Чулковъ напечаталъ у себя, на этотъ разъ уже дѣйствительно «безо всякаго поченія», слѣдующую ядовитую пародію на редакціонные пріемы Всякой Всячины. «Г. Сочинитель и Того Сего, сочиненіе ваше похвalleтся во всякомъ углу С.-Петербурга, слава его носится по многимъ домамъ и по рынку. Всѣ незнающіе другихъ языковъ люди (Всякую Всячину обвиняли въ литературной кражѣ изъ Спектетора) благодарятъ васъ отъ искренняго сердца, выключая нѣкоторыхъ полуученныхъ писателей; они одни сочиненіемъ вашимъ издѣваются, но... и они подвержены равной съ вами участіи. Люди бывають иногда столько неблагодарны, что пересмѣхають и то, что производить земля для нашего удовольствія... Сердце мое наполняется сладостію, когда прекрасная Аврора показываетъ свой носъ на нашемъ горизонтѣ, и крылатое время, шествуя предъ нею, пишетъ надъ нами «Вторникъ». Я открываю мои глаза и устремляю мои мысли единственно только къ одному вашему сочиненію... Великость вашего духа, важные замыслы, красота въ велерѣчіи, искусство въ изъясненіяхъ... заслонять дорогу дыханію... Часъ отъ часу дѣлаюсь я премудрѣе, и нынѣ уже разсуждаю со слугами моими о коловоротности свѣта... О великій человѣкъ сочинитель и Того и Сего! Ежели бы мы не имѣли счастія видѣть твой еженедѣльникъ, то бы мы и донынѣ сидѣли въ безднѣ заблужденія, были бы грубыми невѣждами, и не умѣли бы отличить худое отъ хорошаго... О великій человѣкъ сочинитель и Того и Сего!.. Ты исправилъ грубые наши нравы и доказалъ намъ, что надоѣло обѣдать тогда, когда Ѣсть захочется. Твоя философія научила насъ и тому, что ежели кто не имѣетъ лошади, то тотъ непремѣнно пѣшкомъ ходити долженъ. О великій и т. д., гдѣ мнѣ тебя поставить и куда тебя спрятать? Спряталъ бы я тебя въ хорошую библіотеку, но ты зачнешь переводить различныхъ авторовъ и будешь выдавать сочиненія ихъ подъ своимъ именемъ... Спряталъ бы я тебя на Парнассѣ, но ты высокомѣренъ, презиришь свою Музу... и заставишь ее вѣчно плакать... Спряталъ бы я тебя въ обществѣ молодыхъ нашихъ сочинителей; но то бѣда, что съ ними ты не соглашаешься, идешь своею дорогой и не требуешь изъ нихъ ни одного себѣ въ путеводители—по причинѣ той, что они сами не выбираютъ себѣ никого въ проводники... Добро,—оставайся ты на своемъ мѣстѣ, безъ большой заслуги не требуй большаго воздаянія, безъ великаго успѣха не ищи великой славы, безъ ежечаснаго труда не желай ежечасной похвалы, будь доволенъ твою участію и не пекись о томъ, чтобы слава твоя гремѣла повсюду. Сочиненіе твое есть произведеніе слабаго ума для слабыхъ умовъ; но и въ другихъ, мы видимъ,—не граціи танцуютъ, но сельскія дѣвки по русски пляшутъ».

Это было жестоко; но это было еще не все, что пришлось выслу-

шать Екатеринѣ отъ своихъ собратьевъ—или, какъ она предпочитала ихъ называть,—внуковъ по журналистицѣ. Относительно Чулкова, Рубана, Эмина и т. д. императрица могла оправдывать свое брезгливое отношение тѣмъ самыемъ, что призналъ въ послѣднихъ словахъ сочинитель и Того и Сего. Въ самомъ дѣлѣ, у нихъ въ журналахъ «не граціи танцевали, а плясали русскія девки». Тяжеловѣсное остроуміе Екатерины здѣсь замѣнялось слишкомъ часто пошлостью и цинизмомъ; ея прописная мораль—безцѣльнымъ зубоскальствомъ, бившимъ на самые низменные инстинкты; ея щепетильность по отношенію къ внѣшнимъ приличіямъ—самыми бездраматическими потасовками на потѣху почтенной публики. «Дуракъ» было довольно употребительнымъ эпитетомъ во взаимной литературной критикѣ «сочинителей». Рубанъ заявлялъ въ началѣ своего журнала: «между множествомъ ословъ и мы вислоухими быть не покраснѣемъ». Чулковъ писалъ: «когда есть вакансіи публичныхъ дураковъ, то занимаютъ у насъ такія мѣста мелкотравчатые писаки, и намъ гораздо мило смотрѣть, какъ они дурачатся и ругаютъ сами себя». Довольно естественно, что въ подобныхъ «писакахъ» Екатерина могла видѣть не товарищей, а только пациентовъ, примитивные «нравы» которыхъ подлежали смягченію при помощи тѣхъ пріемовъ, которые она считала непогрѣшими. Совсѣмъ другое было дѣло, когда самые эти пріемы объявлялись недостаточными и подвергались критикѣ; когда являлся писатель, который стоялъ на одинаковой высотѣ съ Екатериной въ вопросахъ литературного приличія и хорошаго тона, и въ то же время оказывался ея принципіальнымъ врагомъ по вопросу, гораздо болѣе существенному: по вопросу, насколько действительны и цѣлесообразны средства, употребленныя императрицей для «исправленія нравовъ».

Въ чёмъ заключались, въ самомъ дѣлѣ, эти средства, отъ которыхъ Екатерина ожидала столь быстрыхъ и чудодѣйственныхъ послѣдствій?

Обычный литературный пріемъ для «исправленія нравовъ» состоялъ у Всякой Всячины, какъ и у другихъ журналовъ, въ помѣщеніи писемъ постороннихъ лицъ къ «Сочинителю» и въ отвѣтахъ редакціи на эти письма. По этой одной формѣ можно довольно безошибочно выдѣлить оригиналную часть журнала отъ переводовъ. Но и по содержанию эти корреспонденціи, писавшіяся, конечно, большою частью въ редакціи, представляютъ извѣстную внутреннюю связь и единство, не говоря уже объ общемъ всѣмъ имъ самовосхваленіи. По теоріи Екатерины надо «захочивать» публику къ усвоенію моральныхъ сентенций, мѣшай смѣшное съ серьезнымъ: поэтому, корреспонденты журнала то рассказываютъ что-нибудь забавное, то что-нибудь дурное изъ русской грубости нравовъ; въ обоихъ случаяхъ они просятъ совѣта или «рецепта» у «сочинителя» и получаютъ его, обыкновенно, въ видѣ лаконической резолюціи самого элементарнаго свойства. Примѣръ забав-

ный: Агафья Хрипухина просить лѣкарства отъ безсонницы, такъ какъ ея мужъ по ночамъ не даетъ ей спать своимъ храпомъ. Советъ: прощать на ночь шесть страницъ Всякой Всячины и шесть страницъ Телемахиды (Тредьяковскаго). Прослѣдствія статьи: журналъ не перестаетъ острить надъ хралящимъ мужемъ и надъ Телемахидой въ слѣдующихъ номерахъ; почитатель Всячины протестуетъ противъ мнѣнія редакціи, что ея журналъ усыпителъ; литературные противники протестуютъ противъ насмѣшки надъ честнымъ труженикомъ—Тредьяковскимъ. Теперь примѣръ серьезный: «многія молодыя дѣвушки чулковъ не вытягиваютъ, а когда сядутъ, тогда ногу на ногу кладутъ, чрезъ что подымаютъ юпку такъ wysoko, что я сіе примѣтить могъ, а иногда и болѣе сего»; женщины слишкомъ возвышаютъ голосъ въ обществѣ; «наши жены» говорять при дѣтяхъ «обо всемъ». Корреспондентъ проситъ редакцію сдѣлать изъ этыхъ замѣчаній «употребленіе на пользу ближняго». Литературные противники находятъ такія нравоученія «непристойными». Еще одинъ прѣемъ: корреспондентъ предлагаетъ редакціи «раздѣлить наши обычай на два рода: первые природные, другіе—татарскіе: всѣ хороши обычай суть природные россійскіе; всѣ же дурные суть татарскіе», и предлагаетъ списокъ, съ которымъ редакція обѣщає справляться, «гдѣ кстати покажется». И дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ оказывается, что обычай нарушать обѣщанія «есть крымскихъ татаръ, а старинный россійский—сдержать данное слово»; «мотать, болтать, злословить»—тоже «татарскіе обычай»; сюда же относятся даље «невѣжливость, жадность и зависть»; женщины, «кои бѣлятся,—суть всѣ татарки»; но взаимное равнодушіе модныхъ супруговъ журналъ объявляетъ обычаемъ «татаро-французскимъ». Журналисты и тутъ не упустили случая подѣлить Всякую Всячину. Сумароковъ написалъ письмо въ «И то и се», гдѣ утверждалъ, что портить русскихъ не татары, а французы; что «худые нравы отъ худыхъ сердечъ и отъ худого просвѣщенія происходятъ»; что, наконецъ, «добрый и отличный человѣкъ достоинъ почтенія, безъ различія, россіянинъ ли онъ, французъ или татаринъ». Однако и Сумароковъ не прочь былъ объяснить русскую грубость примѣсью «сарматской» (финской) крови. Сама Всякая Всячина, наконецъ, тоже спохватилась, хотя нѣсколько по инымъ соображеніямъ: она помѣстила у себя протестъ отъ имени татаръ; «да и мнѣ», замѣчая ея корреспондентъ, «сіе доказательство невѣроятнымъ кажется, потому что сколько у насть есть выѣзжихъ князей и знатей татарскихъ, кои здѣсь въ великія произошли достоинства: они ихъ получили не по худымъ природнымъ ихъ обычаямъ и нравамъ, но по благороднымъ и добрымъ». И журналъ предпочитаетъ, подобно Сумарокову, свалить вину на безответственныхъ «сарматовъ» тогдашней исторической теоріи: «когда славяне, отъ коихъ мы происхожденіе имѣемъ, по покореніи сарматовъ съ ними смѣшались, то сіи худые обычай и нравы отъ нихъ въ наслѣдие намъ достались».

Это, впрочемъ, не мѣшаетъ Всякой Всячинѣ утверждать по прежнему, что старинные русскіе нравы были превосходны и испорчены лишь новыми модами.

Подобный выборъ темъ и способъ ихъ обработки, какъ видимъ, самъ по себѣ уже лишалъ журналъ Екатерины серьезнаго значенія. Литературные антагонисты (II то и сіо) не замедлили отмѣтить, что въ такомъ случаѣ изданіе журнала превращается въ скоро-проходящую моду, въ «невинное увеселеніе», которое нечего прикрывать высокими претензіями. «Я пишу единственно только для одного увеселенія», подчеркивалъ почтительный къ Всячинѣ журналъ Чулкова, «и другого намѣренія не имѣю, ибо сиѣ моихъ къ тому не ста-нетъ; не требую похвалы и за славой не гоняюсь, для того что я ихъ недостоинъ, а желаю, чтобы получилъ ихъ тотъ, который мыслитъ о себѣ, что онъ приноситъ сочиненіями великую пользу отечеству». Эта скрытая пасмѣшка превращается въ совершенно открытую въ «Смѣси», самомъ смѣломъ изъ тогдашихъ журналовъ послѣ Новиковскаго Трутня, которому Смѣсь горячо и открыто сочувствуетъ. «Праздность вмѣняютъ въ порокъ, а трудолюбіе похваляютъ: но праздность присвояютъ благороднымъ, а трудолюбіе крестьянамъ... Я родился дворяниномъ: итакъ, не хотя сравнять себя съ крестьянами, хотѣлъ было ничего не дѣлать. Но вспомня, что есть *благородныя и модныя упражненія*, коими *увеселяются* и знатные люди,—принялся за церо, чтобы написать письмо къ какому-нибудь изданію еженедѣльныхъ листовъ».

Очевидно, издатель Смѣси, сходясь съ Чулковымъ въ одѣнкѣ Всякой Всячины, гораздо серьезнѣе смотрѣлъ на задачи настоящаго журналиста. Но въ своемъ журналѣ онъ остался ниже своего собственнаго пониманія,—на общемъ уровнѣ тогдашихъ издателей листковъ. Если онъ писалъ и, не «единственно для одного увеселенія», то съ другой стороны и «пользу» отъ изданія журнала онъ понималъ довольно устарѣлымъ образомъ. Совершенно такъ же, какъ журналисты-дебютанты Елизаветинскаго времени, онъ объявлялъ: «намѣреніе мое было при начатіи журнала употребить въ пользу скучные часы празднаго времени». Совершенно такъ же, какъ тѣ журналы, Смѣсь пробавлялась, главнымъ образомъ, переводными статьями изъ иностраннныхъ нравоучительныхъ журналовъ; совершенно такъ же она и расходилась только въ своемъ ближайшемъ литературномъ кругу, въ количествѣ всего 200 экземпляровъ. По собственному признанію, издатель ея былъ только мирнымъ любителемъ наукъ и просвѣщенія, онъ не рисковалъ выйти на бранное поле съ открытымъ заборомъ. Но онъ хорошо понималъ, что на этомъ полѣ можно и нужно дѣлать. Когда въ томъ же самомъ году на журнальномъ поприщѣ появился настоящій боедѣ,—издатель Смѣси сразу оцѣнилъ его значеніе и обратился къ нему съ одушевленнымъ привѣтствиемъ «благодарнаго, обязаннаго и вѣрнаго слуги». «Г. изда-

тель Трутня, — писалъ онъ Новикову, — прочитавъ вашего изданія листы, началь я имѣть къ вамъ почтеніе: ваши сочиненія имѣютъ себѣ ченьше увеселенія, но больше пользы. Сатиры ваши, подъ именемъ вѣдомостей, не имѣютъ въ себѣ невѣжества и злонравія, какъ думаютъ некоторые злонравные невѣжи, «о Ѣдкую соль... Пускай злюзычики проповѣдуютъ, что вы объявили себя непріятелемъ всего человѣческаго рода; что злость вашего сердца видна въ вашихъ сочиненіяхъ; что вы пишете только наглу брань (всё это—мнѣнія «Всякой Всячины» и Чулкова о «Трутнѣ»): это не умаляетъ достойную вамъ похвалу, но умножаетъ. Пусть Стозмѣй, изо всей мочи надѣясь, кричитъ, что вы обижаете цѣлый корпусъ дворянства и что ваши ругательства скоро уймутся... Не смотрите на клевещущихъ на васъ, презирайте ихъ и продолжайте свой трудъ такъ, какъ вы начали: выводите порочныхъ (лицъ), ибо пороки вообще осмысливаемые не исправлять порочныхъ настоящаго времени. Вы тѣмъ не раздражите истинныхъ сыновъ отечества: ибо они вамъ сплетаютъ за сіе похвали...».

Эта цптата сразу показываетъ тонъ новиковскаго журнала, мѣсто, которое онъ занялъ среди извѣстныхъ намъ собратовъ, отношеніе ихъ къ «Трутню», характерные приемы его сатиры. Что же было такого необычайного въ этомъ журналь, что вызвало крики «цѣлаго корпуса дворянства» и вывело изъ равновѣсія сдержанную, приличную «Всякую Всячину», соблюдавшую въ другихъ случаяхъ болѣе или менѣе успѣшно свой основной принципъ: смѣяться, а не сердиться на бранчивый лепетъ и злонравную грызню неблаговоспитанныхъ «внучатъ»?

Бывшій секретарь комиссіи о «среднемъ родѣ людей», можетъ быть, помогшій даже сохранить для потомства (въ протоколахъ Большой Комиссіи, где онъ секретарствовалъ) яркія черты «партийной» борьбы городскихъ депутатовъ съ дворянскими притязаніями,— Новиковъ явился въ журналистикѣ сознательнымъ и принципіальнымъ защитникомъ слабыхъ противъ сильныхъ, «подыхъ» противъ «благородныхъ». Не тонъ, не приемы его сатиры, а, прежде всего, именно это содержаніе ея доставило Новикову популярность среди «мѣщанъ»,—того класса, который, по мнѣнію Екатерины (стр. 285), защищалъ «свободу». И оно же обрушило на него громы «придворныхъ господчиковъ», со «Всякой Всячиной» во главѣ. Журналъ Екатерины тщательно устраивая изъ литературы все, что сколько-нибудь близко касалось общественной жизни. Это были для него «матеріи не нашего департамента», какъ выражался разъ въ подобномъ случаѣ журналъ. Когда одинъ, очевидно, не фиктивный, корреспондентъ попробовалъ было перенести на страницы «Всякой Всячины» обсужденіе важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, поднятыхъ дворянскими депутатскими наказами,— редакція наотураѣть отказалася: «сіи и симъ подобныя вещи въ нашихъ листахъ мѣста не имѣютъ; они не на нась положены, но въ числѣ

статскихъ, сирѣчъ составляющихъ существо правленія вмѣщены быть могутъ». Такимъ образомъ, подъ «нравами», которые журналъ брался исправлять, онъ разумѣлъ, главнымъ образомъ, область личныхъ моральныхъ отношеній и житейскихъ привычекъ. «Всякая Всячина» охотно вмѣшивалась въ распри между мужемъ и женой, родителями дѣтьми, женихомъ и невѣстой; она благословляла на бракъ или совѣтовала его отложить и провѣрить свои чувства; увѣщала отда дать денегъ сыну и т. п. Или она убѣждала подписчика не вѣрить въ сны и гаданья; разбирала ихъ жалобы и клаца на нихъ резолюціи вродѣ слѣдующей: «худо быть нечисту и неопрятну въ житьѣ и въ обхожденіи; да и очень нѣжиться и гнушаться всѣмъ, что кажется быть противно и не по нашему вкусу, равнымъ образомъ худо». Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ журналъ не избѣгалъ имѣть дѣло даже съ одиночными, совершенно конкретными эпизодами изъ личной жизни подписчиковъ, обращавшихся за совѣтомъ въ редакцію.

Новиковъ ввелъ въ журналистику совершенно новый материалъ.—и какъ разъ тотъ, котораго «Всякая Всячина» такъ тщательно избѣгала. Онъ бралъ случай изъ области общественныхъ отношеній и рассказывать его во всѣхъ дѣловыхъ подробностяхъ. Случаи были вымыщенные, но обстановка, въ которую они ставились, обрисовывалась у талантливаго сатирика настолько жизненными штрихами, что случаи выходили живыми и типичными. Открылась вакансія; на нее являются три кандидата. Одинъ—невѣжественный дворянинъ, но съ деньгами и съ знатной родней: другой—добрый и честный, но не ученый и небогатый дворянинъ: третій, по терминологіи «нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ», «человѣкъ подлый, ибо онъ отъ добродѣтельныхъ и честныхъ родился мѣщанъ»,—но испытанный общественный дѣятель и съ широкимъ образованіемъ, оконченнымъ за границей. «Читатель, угадай: глупость ли, подкрѣпляемая родствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелью вознаградятся?» Или, рядомъ: барыня въ богатомъ экипажѣ прїѣхала въ Гостиный дворъ и украла у купца товаръ. Купецъ ищетъ суда и управы, но получаетъ удары плетьми. «Ништо тебѣ бѣдный купецъ. Какъ ты, честный злородный человѣкъ, осмѣлился назадъ требовать своей сѣтки у благородной воровки? Благодари еще боярыню, что безчестья съ тебя не взяла! Въ самомъ дѣлѣ, не великая ли милость купцу сдѣлано?»

Къ подобнымъ темамъ отношение журнала Екатерины сразу опредѣлилось. «Всякая Всячина» объявила, что она не любить «дурныхъ шутокъ» и «меланхоличныхъ писемъ»; погрозила поднять «завтра» вопросъ о томъ, «чтобы впредь никому не разсуждать, о чёмъ кто не смыслить, и никому не думать, что онъ одинъ можетъ весь свѣтъ исправить». Затѣмъ, она искусно перенесла споръ о задачахъ сатиры на другую почву. Вместо вопроса, дѣйствительно подлежащаго спору, какія стороны жизни могутъ быть доступны сужденію печати, — она

подняла вопросъ о личности въ сатирѣ и принялась доказывать, что личные нападки не исправляютъ нравовъ; какъ будто обличенія Новикова грѣшили именно личнымъ характеромъ, и какъ будто сама «Всячина» не обсуждала личныхъ случаевъ. Вопросъ о *содержаніи* публицистики былъ подмѣненъ, такимъ образомъ, вопросомъ о дозволительныхъ для нея приемахъ: на этой почвѣ легче было подвести новиковскую сатиру подъ рубрику обычныхъ журнальныхъ «ругательствъ» того времени. Журналисты, съ Новиковымъ во главѣ, приняли сраженіе на предложенной почвѣ—и выиграли его, доказавъ «бабушкѣ», что она «запуталась въ противорѣчіяхъ»; что «въ добрый часъ она намѣряется исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе» (Смѣсь). Поставленный Новиковымъ вопросъ о разумныхъ и справедливыхъ отношеніяхъ между «подлостью и благородствомъ» «Всякая Всячина» рѣшилась до конца игнорировать и не проронила о немъ ни звука. За то она сдѣлала уступку, снизойдя до обсужденія другого общественного вопроса, — еще при Елизаветѣ завоеванного русской публицистикой, — вопроса о взяточничествѣ приказныхъ. Осужденіе взятокъ, какъ мы знаемъ (стр. 243), было первой побѣдой русской журналистики, вырванной у дворянского общественного мнѣнія. Поэтому даже въ ближайшемъ къ Екатеринѣ кругу должно было произвести впечатлѣніе скандала, когда императрица взяла на себя въ журналѣ защиту «крапивного сѣмени». Взятки перевести «весъма легко», — заявила «Всякая Всячина»: — «не обижайте никого; кто же васъ обижаетъ, полюбовно миритесь безъ подьячихъ». Мы знаемъ изъ депутатскихъ наказовъ, что такъ именно и поступали, въ виду безсилія закона,... слабые, безнаказанно обижаемые сильными. Понятенъ отвѣтъ «Смѣси»: «если бы всѣ были совѣтны и наблюдали законы, то не надо было бы и судовъ, и приказовъ, и подьячихъ... но когда сіе необходимо, то для чего защищать подьячихъ?» Екатерина поняла неловкое положеніе, въ которое поставила себя,—и сдѣлала дальнѣйшую уступку. Сославшись на свой законъ о назначеніи жалованья подьячимъ, она напечатала въ журналѣ грозное «увѣщаніе лихоимцамъ», которое кончалось совсѣмъ не литературной угрозой. «Если вы еще и такъ дерзки, что осмѣливатесь и т. д..., то неминуемо изъ двухъ послѣдуетъ одно: или вы будете истреблены, или исправитесь, пока есть на то время». Памятуя, однако, что споръ начался съ ея заявленія, что «подьячихъ перевести не можно и не должно», «Всякая Всячина» при первомъ случаѣ поспѣшила успокоить своихъ читателей: «какъ имъ (приказнымъ) отъ насть предписаны нравоучительныя заповѣди, то должно думать, что они скоро исправятся». Въ глазахъ «Всячины», очевидно, инцидентъ былъ этимъ исчерпанъ.

Какъ видимъ, сама «Всякая Всячина» не удержалась все-таки въ намѣченныхъ ею для публицистики границахъ. Мало того, она въ сердцахъ оказалась способной прибѣгнуть и вовсе къ нелитератур-

нымъ приемамъ. Если можно было въ журналѣ грозить подъячимъ административной карой, то отчего было не сдѣлать внушенія забывшимся журналистамъ?

«Екатерина въ этомъ отношеніи походила на Вольтера, — замѣчаетъ Сегюръ, — самые легкіе булавочные уколы больно задѣвали ея тщеславіе. Будучи умна, она дѣлала видъ, что смѣется надъ этимъ; но ясно было, что смѣхъ этотъ былъ немножко вынужденный».

Мы, дѣйствительно, видѣли, что Екатерина «аффектировала смѣхъ», пока дѣло шло о нападкахъ «мелкотравчатыхъ писакъ». Она и теперь продолжала рекомендовать смѣхъ, какъ «новѣйшій образъ лѣченія» того рода «горячки», въ которой «больной вздумаетъ строить замки въ воздухѣ (и утверждать, что) всѣ люди не такъ дѣлаютъ, и само правительство,—какъ бы радѣтельно ни старалось,—ни въ чемъ не угождаетъ; они одни по ихъ мысламъ въ состояніи подавать совѣтъ и все учреждать къ лучшему». Но уже эта характеристика «болѣзни» показывала, что смѣхъ въ данномъ случаѣ не совсѣмъ натуральный. На этомъ способѣ лѣченія Екатерина успокоиться не могла и потому, что «такое несчастное сложеніе, наполненное злостью и злословіемъ, при свободности языка и съ острыми выраженіями—вредъ великій нанести можетъ молодымъ людямъ: иной, на то прельстяся, старается перенять, а другой угнетается, не бывъ сложеніемъ толь дерзостенъ,—и не осмѣлитъ дать воли своему здравому разсудку». Въ виду этой возможности юношескихъ увлечений, «Всякая Всячина» выходитъ изъ своего притворного равнодушія и начинаетъ внушать своимъ читателямъ, что «долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ согражданъ, велить имѣти повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами (авторъ хочетъ сказать: несправедливыми жалобами на такие поступки), коихъ, право, я еще не видалъ, чтобы съ умысла случались». «Справедливы ли жалобы о неправосудії, наипаче тогда, когда всякий честный гражданинъ признается долженъ, что можетъ быть никогда и нигдѣ какое бы то ни было правленіе не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами монархія имѣть о насъ?» Долгъ писателя, въ такое правленіе, есть прославлять положительныя стороны жизни, а не критиковать отрицательныя. «Добросердечный сочинитель... изрѣдка касается къ порокамъ..., но располагая свои другимъ наставленія, поставляетъ примѣръ въ лицѣ человѣка, украшенного различными совершенствами... описываетъ твердаго блестителя вѣры и закона, хвалитъ сына отечества, пылающаго любовью и вѣрностью къ государю и обществу, изображаетъ миролюбиваго гражданина... присовокупляетъ къ тому пользы, изъ того проистекающія... Вотъ славный способъ исправлять слабости человѣческія».

Какъ бы то ни было, этими наставленіями пока и кончилось дѣло.

Всякая Всячина удовольствовалась тѣмъ, что отдала Трутень «на судъ публики»; а Трутень, къ слову, замѣтилъ, что выраженіе, употребленное Всячиной (она «уничтожала» оскорблениія Трутня) неточно. «Уничтожить, то-есть въ ничто превратить — есть слово самовластію свойственное; а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть не прилична: уничтожается верхняя власть какое-нибудь право другимъ». Этими замѣчаніями Новиковъ напоминалъ императрицѣ тѣ условія борьбы, въ которыхъ она сама себя захотѣла поставить.

Съ Екатериной-писательницей Новиковъ, очевидно, не хотѣлъ считаться иначе, какъ за почвѣ чисто литературнаго спора. Главной, неистощимой темой Трутня остается, вопреки недовольству императрицы, соціальная тема: смѣлая, открытая борьба съ кореннымъ зломъ русской жизни, съ сильными обидчиками, съ привилегированными хищниками, съ безнаказаннымъ нарушеніемъ закона, прикрываемымъ соціальнымъ или официальнымъ положеніемъ преступника. Когда Екатерина, съ своей точки зрењія индивидуальной морали, призываетъ сатирика къ «снисхожденію», «шеть изъ милосердія каѳтавъ для пороковъ» и рекомендуетъ считать ихъ человѣческими слабостями,—Новиковъ и эти совѣты разрабатываетъ въ духѣ своей обычной темы. «Я слыхалъ слѣдующія разсужденія: въ маленькомъ человѣкѣ воровство есть преступленіе противъ законовъ; въ средостепенномъ воровство есть порокъ, а въ превосходительномъ степени и человѣкѣ, по вѣрнѣйшимъ математическимъ новымъ исчисленіямъ, воровство не что иное, какъ слабость. Хотя бы и не такъ надлежало: ибо кто имѣть превосходительный чинъ, тотъ долженъ имѣть и превосходительный умъ и превосходительныя знанія и превосходительное просвѣщеніе: слѣдовательно и преступленіе такого человѣка должно быть превосходительное». Какъ видимъ, Новиковъ старался возвратить императрицу на ту почву, которая была ей особенно непріятна—именно потому, что она хорошо понимала всю важность и щекотливость такой постановки вопроса. На этой почвѣ Новиковъ подавалъ руку другому строителю «замковъ на воздухѣ», Дидро. «Вогъ смѣлая, можетъ быть безумная идея, — говорилъ этотъ послѣдній въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Екатериной,—«приведенная въ исполненіе, она принесетъ больше чести и вызоветъ больше шума, чѣмъ выигрышъ десяти битвъ. Она поможетъ въ тысячу случаевъ, когда законъ остается безсильнымъ противъ могущественныхъ лицъ,—излечить страшный недостатокъ, нерѣдкій во всѣхъ обществахъ, но особенно частый въ деспотическихъ, — что слабый не можетъ отстоять свои¹ права противъ сильнаго. На моей родинѣ, если герцогъ не можетъ заплатить долговъ, его, несмотря на грансеньерство, арестуютъ на улицѣ и сажаютъ въ тюрьму. Мне кажется, что здѣсь подобная строгость не въ обычаяхъ. Я думалъ сперва, что единственнымъ лекарствомъ было бы дать силу закону и подчинить ему одинаково и сильнаго и слабаго. Но это дол-

тая и трудная история, а зло требует немедленного искоренения». Итакъ, Дидро предлагает Екатеринѣ лично удовлетворять кредиторовъ и потомъ самой расчитываться со всяkimъ вельможей, не исполнившимъ своихъ обязательствъ.

Новиковъ не могъ, разумѣется, подавать такихъ совѣтовъ, но энергично указывалъ на зло,—и его указанія нельзя было сохранить въ тайнѣ, какъ рукопись французского философа. Къ недовольству Екатерины присоединялось раздраженіе, вызванное журналомъ Новикова въ придворныхъ кругахъ. Онъ только усилилъ это раздраженіе, напечатавъ инициалы «семерыхъ» наиболѣе влиятельныхъ вельможъ, которымъ нечего «краснѣть, читая его сатиры»⁴⁾). Всѣ остальные, стало быть, тѣмъ самымъ объявлялись клиентами сатирика. Не могъ Новиковъ ослабить своихъ противниковъ и тѣмъ, что напечаталъ въ своемъ журнальѣ, какъ они грозятъ ему Сибирью и досадуютъ на снисходительность государыни. Защищать не въ мѣру откровенного журналиста становилось трудно, хотя за его спиной и стояли, говорятъ, влиятельные оппозиціонеры изъ тогдашней знати,—И. Шуваловъ, Воронцовъ, кн. Дашкова,—собиравшіе около себя журналистовъ. Новикову, очевидно, были сдѣланы внушенія, и журналъ присмирѣлъ. Но это не помѣшало сатирику отъ имени публики протестовать противъ своего новаго положенія и жаловаться на блѣдность журнала.

Развязка пришла сама собой. Интересъ Екатерины къ своему журналу быстро охладѣлъ, какъ онъ охладѣвалъ ко всему, что не удавалось ей сразу (*«comptencense de profession»* и *«rien d'achev »*—это качество она «открыла» въ себѣ сама въ 1781 г.). Въ 1770 г. всякая всячина допечатывала свой «барышокъ»,—рукописи (большей частью переводныя), залежавшіяся въ портфелѣ редакціи, и прекратилась, едва протянувъ полгода. Всѣдѣ за ней (въ іюлѣ) скончался и Трутень, послѣдній изъ журнальной семьи 1769 г., объявивъ передъ смертью читателямъ, что умираетъ «противъ своего желанія», «по обстоятельствамъ» и вслѣдствіе охлажденія публики.

Послѣ того Новиковъ занялся своимъ Словаремъ писателей, а Екатерина увлеклась новымъ способомъ «исправленія нравовъ»—посредствомъ театра. Послѣ неудачныхъ опытовъ съ Комиссіей и съ публицистикой—это была третья арена, на этотъ разъ наиболѣе узкая и скромная, на которую она перенесла свою литературно-общественную дѣятельность. Мы послѣдуемъ, при случаѣ, за Екатериной и въ это послѣднее приближеніе ея либерализма, но пока мы должны еще заняться дальнѣйшими попытками Новикова на открытомъ ему инициативой Екатерины поприще русской публицистики.

Въ 1772 г. Новиковъ вернулся на это поприще съ новымъ, наибо-

⁴⁾ О(рлова), П(анина), Н(арышкина), С(алтыкова), В(оронцова или Вяземскаго?), И(увалова), Б(ецкаго или Бибикова?). В(севоложскаго или Воронцова?). Число «семь» дано въ другомъ мѣстѣ Трутня.

лье зрѣлымъ продуктомъ своего сатирическаго таланта, съ «Живописцемъ». Опытъ съ Трутнемъ научилъ Новикова кое-какимъ журнальнымъ уловкамъ, но ни на іоту не измѣнилъ его настроенія. Сатирикъ ставить себя подъ эгиду императрицы и открываетъ новый журналъ посвященіемъ автору комедіи «О время»: здѣсь онъ принимаетъ на себя роль скромнаго подражателя великихъ начинаній державной писательницы. Каждую смѣшную статью онъ непремѣнно сопровождаетъ трескучимъ панегирикомъ по адресу кого-нибудь изъ великихъ міра. Наконецъ, онъ безпрестанно твердитъ себѣ отъ лица своихъ читателей и корреспондентовъ, что надо быть «осторожнымъ». Все это, однако, не мѣшаетъ Новикову ставить свою главную задачу такъ, какъ онъ ееставилъ и раньше. Въ только что упомянутомъ посвященіи онъ рекомендуетъ, напр., императрицѣ вотъ какое средство, чтобы сравняться съ Мольеромъ: «истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ во всякомъ званіи достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣи-ваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками (если будетъ осмѣяно на театръ Екатериной), въ первый разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными». И въ слѣдующемъ обращеніи къ «самому себѣ» Новиковъ прозрачно намекаетъ на неудачный литературный дебютъ Всякой Вячинѣ.

Что же значитъ это новое «дерзновеніе»? Какой новый ресурсъ имѣеть въ запасѣ «осторожный» сатирикъ, чтобы дозволить себѣ эти неосторожности? Подъ какимъ новымъ флагомъ онъ надѣется провезти свою старую контрабанду?

Помимо упомянутыхъ уже литературныхъ уловокъ, Новиковъ разсчитывалъ, очевидно, на одно серьезное измѣненіе въ программѣ Живописца, совпадшее съ желаніями государыни. Рядомъ съ соціальнымъ вопросомъ онъ выдвинулъ на первое мѣсто въ новомъ журналь сатирику на «правы» въ Екатерининскомъ смыслѣ этого слова. Это была такая общая почва, на которой, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, Новиковъ могъ надѣяться—сойтись во взглядахъ съ сочинительницей комедіи «О время» и заслужить ея благосклонность.

Только что указанная общая почва намѣтилась еще во время выхода Трутня и Всякой Вячинѣ. Новиковъ, конечно, не могъ изображать положительныхъ типовъ и отрадныхъ явлений въ настоящемъ, какъ того требовала императрица въ своемъ журналь (стр. 301). Но и сама Всякая Вячина восхваляла «добродѣтели россіянъ» не въ настоящемъ, а только въ прошедшемъ. Не находя ихъ кругомъ себѣ, среди «татарскаго» (или «сарматскаго») варварства и «французскихъ» новомодныхъ пороковъ, она твердо надѣялась найти эти добродѣтели въ архивахъ и рукописяхъ. «Древнія повѣсти, крывающіяся теперь въ книгохрани-

тельницахъ, когда будуть тисненіемъ во свѣтъ изданы (мѣры для этого были уже приняты Екатериной), покажутъ намъ довольно чилю оныхъ, о которыхъ теперь, кроме чтушихъ, если кто по счастію достанетъ рукопись книги, мало кому и слышать удастся. О прехвальныя добродѣтели предковъ нашихъ, къ вамъ я теперь рѣчь свою простираю, явите себя миру; заткните уста поношающихъ вамъ и не вѣдущихъ васъ; прославьте потомковъ вашихъ и себя *изънъ*, внутри же подайте примѣръ домашній, сильнѣйшій къ подражанію, нежели всѣ иностранные. Увидять чуждыя языки и племена' событіе стараній и желаній величія нашея государыни, что народъ россійскій *будетъ* добродѣтенъ, справедливъ и благополученъ во свѣтѣ столько, сколько можно по человѣчеству». Этотъ любопытный отрывокъ свидѣтельствуетъ о большой путаницѣ мыслей автора (не Екатерины). Тѣ самыя надежды, которыя Наказъ возлагалъ на рациональное законодательство, возлагаются здѣсь на историческую реставрадію древнихъ добродѣтелей, а современное со-стояніе нравовъ является какимъ-то проблѣмъ. Пробѣль этотъ наполненъ отрицательными явленіями, но ихъ вина лежитъ не на русскихъ, а на иностранцахъ. Такъ нащупываются и складываются на нашихъ глазахъ элементы новой націоналистической теоріи, которой предстоить долгая исторія и много превращеній. И мы къ ней вернемся еще не разъ; но теперь, стоя у самаго источника будущей теоріи, воспользуемся случаемъ, чтобы заблаговременно указать на обстоятельства, при которыхъ она возникла.

Отрицательное отношеніе къ новымъ культурнымъ заимствованіямъ и восхваленіе, въ пику имъ, древней простоты нравовъ уже въ описываемый моментъ было явленіемъ, совсѣмъ не новымъ въ Россіи. Источникъ этикъ взглядовъ двоякій,—отчасти въ литературѣ, отчасти въ жизни. Въ жизни это, прежде всего, реакція стихійнаго націонализма, съ которой мы сталкивались не разъ и при Петрѣ, и при его преемникахъ. Идейнаго тутъ еще очень мало; это просто продуктъ непосредственного раздраженія эксплуатируемаго противъ своего конкурента, съ которымъ, за слабостью мысли и знанія, приходится бороться силой и хитростью. Въ любой странѣ, сразу шагнувшей изъ прими-тивнаго быта въ культурную обстановку жизни и безсильной противъ эксплуатациіи иностранцевъ, это стихійное чувство достигаетъ сильнаго напряженія и проявляется совершенно своеобразными пароксизмами національнаго самомнѣнія. Въ современной Болгаріи пишущій эти строки имѣлъ возможность наблюдать множество поучительнѣйшихъ параллелей къ исторіи русскаго націонализма XVIII вѣка. Прежде чѣмъ сложиться въ какую-нибудь теорію, задѣтое чувство національного соперничества проявляется во всевозможныхъ мелочахъ жизни. Несложное самолюбіе юныхъ адептовъ культуры одинаково удовлетворяется при этомъ двумя противоположными способами: или безпрекословнымъ усвоеніемъ или грубымъ протестомъ противъ всего иностраннаго. При

всей кажущейся противоположности, оба проявления самолюбия находятся въ самомъ тѣсномъ психологическомъ родствѣ, и потому зачастую прямо другъ въ друга переходятъ или совмѣщаются другъ съ другомъ. На ближайшей высшей ступени оба типа вызываютъ насмѣшки и становятся предметомъ литературнаго изображенія. Изобразить ихъ не трудно, такъ какъ и въ жизни оба типа крайне карикатурны; тѣмъ не менѣе, для литературнаго изображенія употребляются готовые трафареты болѣе зрѣлыхъ литературъ. Это объясняется, почему литературные характеристики карикатурныхъ націоналистическихъ типовъ—ксенофоба и ксеномана—появляются у насъ одновременно съ ихъ появлениемъ въ жизни (Кантемиръ, Сумароковъ). Но было бы ошибочнымъ заключать отсюда, какъ дѣлали нѣкоторые изслѣдователи,—что въ жизни такихъ типовъ не существовало. Я раскрываю путешествіе по Россіи датчанина Петра Хавена, и нахожу у него прототипы обѣихъ отмѣченныхъ разновидностей дэморощенного самолюбія еще въ тридцатыхъ годахъ, т.-е. задолго до законченного литературнаго изображенія ихъ въ русскихъ сатирическихъ журналахъ Екатерининского времени. Вотъ будущая «щеголиха» или «кокетка», молодая княгиня Куракина. «у ней цѣлый придворный штатъ; она ъздитъ шестерней съ двумя фурреторами и четырьмя лакеями, держитъ двѣ дюжины горничныхъ и столько же лакеевъ, ъсть роскошно и не во время, спить до полудня, одѣвается какъ петербургская оперная пѣвица, говорить только по русски, но примѣшиваетъ столько французскихъ и итальянскихъ словъ съ русскими окончаніями, что природнымъ русскимъ труда не понять ее, чѣмъ иностранцу, въ разговорѣ по большей части хвалить французскія моды и вольное обращеніе, смѣется надъ богобоязненными женщинами, которыхъ вздыхаютъ о мірской суетѣ, потому что не могутъ найти жениховъ и выйти замужъ (она разумѣеть тутъ своихъ кузинъ); ея любовныя исторіи доказываютъ, что въ Москвѣ можно разыгрывать амурныя драмы не сколько не хуже Парижа и Лондона». А вотъ противоположный типъ, князь и княгиня Черкасскіе. «Князь спросилъ меня, понимаю ли я по-русски. Я отвѣчалъ: да, немножко. Тогда князь сказалъ, что такъ какъ онъ вездѣ въ своихъ путешествіяхъ долженъ былъ говорить на томъ языкѣ, гдѣ находился, то онъ не можетъ позволить, чтобы въ его отечествѣ кто-либо говорилъ иначе, чѣмъ по-русски. Я хотѣлъ бы знать, продолжалъ онъ, почему бы русскій языкъ нельзя было поставить наравнѣ съ французскимъ и нѣмецкимъ. Я отвѣтилъ, что это, вѣроюто, потому отчасти, что науки еще не прощели въ странѣ, и языкъ не распространенъ и не обработанъ, но отчасти также и по той причинѣ, что русское государство только недавно стало уважаться иностранцами; но чѣо, конечно, съ могуществомъ государства возрастетъ и репутація языка. Князь успокоился на этомъ, но тогда княгиня меня спросила, не нѣмецъ ли я. Когда я сказалъ, что нѣтъ, она сняла

съ головы соломенную шляпу, сдѣланную по англійскому фасону, и спросила, какъ я думаю, слѣдуетъ ли выписывать такія вещи изъ-за границы. Я отвѣчалъ, что эта провинность вполнѣ искупается тѣмъ, что ея сіятельству пришлось купить ее поневолѣ и что это хорошая и полезная вещь Да, отвѣчала княгиня,—а мнѣ ее сдѣлали мой мужикъ тутъ въ Москвѣ; стало быть, вы видите, что мы здѣсь въ Россіи не нуждаемся въ нѣмецкихъ товарахъ,—да и въ самихъ нѣмцахъ».

Въ сатирическихъ журналахъ екатерининского времени мы встрѣтимъ совершенно тѣ же типы, тѣ же разговоры и ту же самую логику. Но какъ замѣчено выше,—въ промежуткѣ тутъ еще вошелъ элементъ, помогшій передѣлать жизненные факты въ журнальную статью, съ соответствующими обстоятельствами націоналистическими выводами. Это тотъ книжный элементъ, который, въ его сыротѣ и неприосновенномъ видѣ, мы нашли въ журналахъ елизаветинского времени. Мы знаемъ, что русская журналистика овладѣла описанными явленіями жизни по готовымъ книжнымъ образцамъ, и главнымъ образомъ по нѣмецкимъ. Иностранные источники русскихъ журналовъ, правда, изображали иногда явленія болѣе тонкія и сложныя: напримѣръ «петиметръ» у Гольберга (стр. 243) похожъ скорѣе на современного эстета или декадента, чѣмъ на кукольный типъ русской сатиры (и русской дѣйствительности). Но это были частности; въ общемъ же не только типы, а и отношеніе къ нимъ журналистовъ было въ германскихъ странахъ то же, что у насъ. Этимъ отчасти объясняется, почему наши писатели такъ любили эксплуатировать именно нѣмецкіе моральные журналы. Тамъ они находили то же самое націоналистическое раздраженіе, тотъ грубоватый тевтонскій протестъ противъ французской модной культуры, который всего лучше соотвѣтствовалъ ихъ собственному настроенію и потребностямъ русской публики. Тамъ національный протестъ противъ галломаніи сложился раньше, чѣмъ у насъ; вотъ почему мы могли взять его оттуда готовымъ.

Справедливость требуетъ, однако, подчеркнуть, что у насъ этотъ націоналистический протестъ противъ французской культурной внѣшности зачастую получалъ болѣе прогрессивный, менѣе шовинистской смыслъ. Отчасти это было потому, что самая заимствованія были гораздо поверхностнѣе, грубѣе у насъ: поэтому протестъ противъ культурной внѣшности получалъ значеніе протesta противъ внѣшней культуры. Съ другой стороны, у насъ въ гораздо большей степени, чѣмъ у нѣмцевъ, новая культура сдѣлалась привилегированнымъ достояніемъ однихъ только «благородныхъ». Слѣдовательно, нападки на внѣшнюю культурностьсливались у насъ съ нападками на исключительное положеніе привилегированного класса.

Послѣ этихъ разъясненій будетъ понятно, какимъ образомъ «русскій Рабенеръ», Новиковъ нашелъ для своихъ новыхъ журналовъ общую почву съ Екатериной въ осмысливаніи французскихъ заимствова-

ваний—въ настоящемъ—и въ идеализациі старинныхъ русскихъ добродѣтелей, уничтоженныхъ этими заимствованіями, въ прошломъ.

На первый разъ сближеніе съ взглядами императрицы оказалось однако, далеко не полное. «Живописецъ» весьма исправно «малевалъ своими красками нынѣшніе развратные свѣтскіе обычаи, новоманерныхъ петербургскихъ щеголей и щеголихъ», «перенятое нашими молодыми господичами у иностранцевъ нововыдуманное обхожденіе»: «легковарность, вертопрашество, непостоянство, вольность въ обхожденіи и многіе другіе пороки», заимствованные у французовъ: но въ то же время онъ набрасывалъ первыя въ русской литературѣ картины крѣпостной крестьянской страды и по прежнему настаивалъ на томъ, что «подлыми» людьми надо называть лишь тѣхъ, которые дѣлаютъ «дурные дѣла».

Относительно «древнихъ добродѣтелей» предковъ онъ предпочиталъ пока молчать, ограничиваясь критикой современныхъ ему «развратныхъ обычаевъ» высшихъ классовъ; и позоря ломающуюся на иностранный манеръ молодежь, онъ не думалъ возлагать за это отвѣтственности на самихъ иностранцевъ. Словомъ, общій тонъ и общая картина журнала получались хотя и много «веселѣе» Трутня, но «меланхолическихъ» ногъ слышалось болѣе чѣмъ достаточно, а картины изъ деревенского быта оставили даже за собой лучшее, что было въ Трутнѣ въ этомъ родѣ,—знаменитыя письма и отписки изъ провинціи, перепечатанныя потомъ въ слѣдующихъ изданіяхъ Живописца. Правда, разсужденія по поводу изображенныхъ явлений далеко не стояли на одинаковой высотѣ съ самимъ этимъ изображеніемъ. Но причины этого понятны. въ числѣ другихъ нововведеній, журналъ долженъ быть ввести въ употребленіе столь знакомый новѣйшей русской сатирѣ «езоповскій языкъ». Къ удивленію, этотъ языкъ, который очень хорошо умѣли понимать читатели Живописца, ввелъ въ заблужденіе позднѣйшихъ изслѣдователей, которые и въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что сатирические журналы Новикова считаютъ свой вѣкъ золотымъ и добиваются только частичныхъ перемѣнъ—не столько въ порядкахъ, сколько въ лицахъ. Разумѣется, Живописецъ, говоря о крѣпостномъ правѣ, долженъ быть пояснить, что бичуетъ лишь « злоупотребленія дворянскими преимуществомъ», а не самое это преимущество; что, нападая на казнокрадовъ и взяточниковъ, онъ критикуетъ лишь отдельныхъ бюрократовъ, а не весь бюрократический строй; что, наконецъ, все эти беспорядки и злоупотребленія, о которыхъ онъ разсказываетъ, уже отмѣнены и исправлены, похитители отставлены, мучители наказаны; словомъ, выражаясь языкомъ «Всякой Всячины», «нравоучительныя заповѣди предписаны», и нравы, если еще не совсѣмъ исправились, то, во всякомъ случаѣ, «скоро исправятся». Но каждый понималъ, что мысль журналиста идетъ дальше, чѣмъ его выраженія. Личиной оптимизма журналъ не могъ обмануть никого, а всего менѣе заинтересованныя

сферы. Это и отразилось на судьбѣ Живописца, совершенно одинаковой съ судьбою Трутня. Журналъ зачахъ, а журналисту пришлось пойти еще дальше по направленію, желательному для Екатерины. Съ начала 1773 года, т. е еще раньше, чѣмъ окончательно прекратился Живописецъ, Новиковъ сталъ издавать при прямомъ участіи и денежной поддержкѣ Екатерины сборникъ историческихъ документовъ, доказавший, согласно идѣю «Всякой Всячины», (стр. 305), извлечь изъ архивовъ несомнѣнныя доказательства «древнихъ российскихъ добродѣтелей». Въ предисловіи къ «Бивлюеикѣ» цѣль эта указана вполнѣ опредѣленно: изъ «начертанія нравовъ и обычаевъ» предковъ читатель долженъ быть познать «великость духа ихъ, украшенного простотой». Мало того, пользуясь благосклоннымъ отношеніемъ императрицы къ этому изданію,—въ которомъ, кроме нѣсколькихъ строкъ предисловія, нѣтъ ничего публицистического,—Новиковъ задумываетъ новый сатирическій журналъ, въ которомъ обѣщаетъ развивать ту же идею о древнихъ добродѣтеляхъ. Въ этомъ журналѣ, «Кошелькѣ» (1774), онъ впервые и самъ ближе всматривается въ эту идею, мелькавшую въ его умѣ еще при изданіи Трутня. Результаты его размышеній оказываются, однако, довольно неожиданные. Чѣмъ дальше онъ пишетъ, тѣмъ яснѣе начинаетъ понимать, что древнія добродѣтели предковъ находятся въ очень сомнительной связи съ его собственными общественными и просвѣтительными идеалами. Пока онъ рисуетъ типичнаго проходимца-француза. шевалье де-Мансонжа, дѣло идетъ на ладъ: любопытно, однако, что и тутъ Новиковъ высмѣиваетъ не вообще вліяніе иностранцевъ, а только вліяніе французовъ извѣстнаго типа, и заставляетъ возражать шевалье де Мансонжу—не русскаго, а нѣмца, личность котораго изображается въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. Но окончательно сбивается Новиковъ, когда дѣло доходитъ до теоретической защиты старины. Чтобы отдалить моментъ, онъ предпосыпаетъ сперва возраженія *противъ старины*,—и возраженія оказываются въ его собственныхъ глазахъ настолько вѣскими, что онъ отказывается опровергать ихъ и прекращаетъ изданіе журнала. Если бы вся эта метаморфоза не происходила на глазахъ читателя, то положительно можно было бы подумать, что все это—одинъ изъ приемовъ «езоповскаго» языка Новикова. Но нѣтъ: начинаетъ онъ съ прямыхъ заимствованій подлинныхъ выражений Екатерины и «Всякой Всячины», обѣщаетъ статью, которая должна быть центральной, которой объясняется и самое заглавіе, данное журналу; между тѣмъ, статьи въ журналѣ не оказывается, заглавіе объясняется кое-какъ, мимоходомъ; вместо первоначального пожеланія читателю «въ жизни сей пользоваться древними российскими добродѣтями», находимъ весьма резонное разсужденіе воображаемаго противника Новикова: «время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и правоучительные правила подвержены такой же перемѣнѣ». Затѣмъ идетъ настоящая сатира на то время, когда

«древнія россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно, когда русскіе цари, въ первый день свадьбы своей, волосы клали медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ царицами и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключались въ однихъ святцахъ; женились, не видавъ невѣсты въ глаза: за различное знаменование (креста) сожигали въ срубахъ или, изъ особливаго благочестія, живыхъ закапывали въ землю; словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ». Но пусть читатель самъ прочтетъ эти блестящія, чисто новиковскія насмѣшкі и опроверженія защищаемаго имъ самимъ взгляда. «Сильныя выраженія и доказательства» противъ старины такъ искусно перемѣшаны здѣсь съ нелѣмыми и смѣхотворными, что, въ концѣ концовъ, вслѣдъ за изображаемымъ противникомъ старины, читатель въ недоумѣніи спрашиваетъ журналиста: «я подлинно еще не знаю, притворяетесь ли вы прямымъ русакомъ или таковы и въ правду?» Какъ бы ни отвѣтилъ Новиковъ на этотъ вопросъ,—который онъ предпочитаетъ оставить безъ отвѣта,—ясно, во всякомъ случаѣ, одно: въ пропагандисты націоналистической теоріи, только-что начинавшей складываться, онъ совсѣмъ не годился. Изъ «исторіи» онъ извлекъ лишь такие непріятные аргументы, о которыхъ «Всякая Всячина» отнюдь не думала, когда ожидала найти «древнія россійскія добродѣтели» въ архивахъ; а въ защиту новой легенды объ этихъ старыхъ добродѣтеляхъ онъ пока привелъ только устное преданіе—«словесныя объявленія старожиловъ»,—да, точно въ насмѣшку, предложилъ редактору «Кошелька» самому поискать этихъ добродѣтелей въ своей «Библіоѳикѣ».

Съ прекращеніемъ «Кошелька» окончился второй важный эпизодъ въ исторіи русской журналистики (1769—1774). Для начинавшаго тогда слагаться русскаго общественнаго мнѣнія журналы этихъ годовъ сыграли въ высшей степени важную роль. Они сформулировали мнѣнія и чаянія передовой части русскаго общества и выяснили отношеніе къ этимъ взглядамъ разныхъ сословій и правящихъ круговъ. Стремленія выступившаго въ этихъ журналахъ поколѣнія были безсosловными, точнѣе, они могутъ называться сословными въ томъ смыслѣ, что къ нимъ могли присоединиться всѣ недовольные господствующимъ положениемъ сословія, которое какъ разъ въ этотъ моментъ становилось не только привилегированнымъ, но и правящимъ. Главнымъ образомъ это были горожане. Наиболѣе обдѣленные судьбой, крестьяне были и главнымъ предметомъ сочувствія; но до нихъ голоса журналовъ не доходили. «Хлѣбъ, который они ёдятъ; религія, которая ихъ утѣшаетъ, вотъ единственная ихъ идея. Благоденствіе государства, потомство, грядущее поколѣніе—для нихъ это слова, которыми ихъ нельзя затронуть. Они связаны съ обществомъ только своими страданіями и изъ всего того беспредѣльного пространства, которое называется будущимъ, они замѣ чаютъ только завтрашній день. Ихъ жалкое положеніе лишаетъ

ихъ возможности имѣть болѣе отдаленные интересы». Читатель спрашиваетъ, конечно, изъ какого радикального автора взята эта краснорѣчивая цитата? Она принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ; это часть того отвѣта ея Дидро о русскихъ сословіяхъ, на который я ссыпался выше. Конечно, не хуже русскихъ журналистовъ своего времени Екатерина понимала положеніе дѣлъ. Она хорошо знала, «о комъ пещись должно», — но знала также и то, «съ кѣмъ дѣло имѣемъ».

Сравнивая настроеніе литературныхъ круговъ 1769—1774 гг. съ настроеніемъ интеллигентнаго поколѣнія, создавшаго первый расцвѣтъ русской журналистики десятию годами раньше, мы должны будемъ констатировать огромный шагъ впередъ. Отвлеченные интересы и чувства характеризовали то поколѣніе, — и они уступили, какъ мы видѣли, первому холодному дыханію жизни. Вчерашніе литераторы сдѣались сегодняшними защитниками интересовъ своего сословія. Напротивъ, новое поколѣніе интеллигенціи, подъ вліяніемъ идей времени и опираясь уже на своихъ интеллигентныхъ предшественниковъ, выросло съ болѣе серьезными и болѣе конкретными запросами отъ жизни и литературы. Житейскій холодъ охватилъ скоро и ихъ, послѣ короткаго периода «недоразумѣній»; имъ этотъ холодъ былъ даже гораздо чувствительнѣе, чѣмъ ихъ старшимъ братьямъ. Но это только закалило ихъ, какъ скоро увидимъ, для дальнѣйшей борьбы, и, вмѣсто того, чтобы охладить ихъ къ теоріямъ, заставило только внимательнѣе пересмотрѣть свой умственный багажъ. Не простая потребность использовать досугъ, а сознаніе своего нравственнаго долга побудило лучшихъ изъ нихъ взяться за перо журналиста. То же серьезное отношеніе къ себѣ заставило и отложить это перо въ сторону, когда оказалось, что въ журналѣ возможна только одна «веселая и легкая критика». Дѣлъ дитаты помогутъ намъ представить себѣ эту смѣну настроенія молодыхъ журналистовъ. «Я думаю, — говорилъ себѣ Фонвизинъ, — что таковая свобода писать, какой пользуются нынѣ россияне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, где писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій голосъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечству, такъ что человѣкъ съ перомъ въ рукахъ можетъ быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государя, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечства». Сравнимъ это радужное настроеніе начинаящаго литератора съ горькимъ разочарованіемъ литератора опытнаго. Въ Живописцѣ Новикова отставленный отъ службы взяточникъ обращается къ издателю со слѣдующей насмѣшиловой рѣчью: «Что ты изъ пустого въ порожнее переливаешь? Минѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную собачку моей жены, которая брешетъ на всѣхъ и никого некусаетъ: а это по нашему называется — брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ

укусить, чтобы больно, да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хоть и дана воля брехать на всѣхъ, — только никто ихъ не боится. Такъ-то и ты: пишешь все пустое».

Мы видѣли, что и Екатерина разочаровалась въ журнальной дѣятельности. Но какъ причины, такъ и послѣдствія разочарованія были диаметрально противоположны у нея и у молодыхъ литераторовъ. Она сокращала и ограничивала районъ своего литературного воздействи; они старались расширить. Она ушла отъ журнала къ театру, отъ русского театра къ французскимъ эрмитажнымъ спектаклямъ и къ интимной корреспонденціи. Они перенесли свою дѣятельность изъ журнала непосредственно въ жизнь и отъ сатирическихъ набросковъ перешли къ работѣ надъ цѣльнымъ міровоззрѣніемъ.

Записки Дидро, читанные имъ Екатеринѣ, изданы *Maurice Tourneux. Diderot et Catherine II*, Paris 1899 Съ появлениемъ этого важнаго материала прежнія работы о Дидро должны считаться устарѣвшими. О Дидро вообще см. *Морлея*, Дидро и энциклопедисты, и *А. Веселовскаго*, статья «Дени Дидро» въ Этюдахъ и характеристикахъ, М. 1891 О журналахъ см. кромѣ текстовъ ихъ (Живописецъ и Трутень переизданы съ примѣчаніями П. А. Ефремовымъ, Спб. 1864—5, оба журнала и Кошелекъ имѣются также въ общедоступной «Дешевой Библиотекѣ» Суворина 1900 г.), А. Аванасьевъ *Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.* М. 1859 г., Н. А. Добролюбова, *Русская сатира въ вѣкъ Екатерины*, соч. I, Е. С. Шумигорского. Очерки изъ русской истории I Императрица—публицистъ, Спб. 1887 г.; В. Ф. Солженцева *Всякая всячина и Спектаторъ въ Журналѣ Мин Нар Просв* 1892 г., I (въ моемъ изложеніи заимствованный изъ Спектатора мѣста совершенно оставлены въ сторонѣ, авторъ преувеличиваетъ ихъ значение и не подозрѣваетъ того дѣйствительнаго—и весьма важнаго—значенія, какое имѣлъ журналъ Екатеринѣ въ исторіи русской публицистики—оригинальной частью своего содержанія); *его же*, Смѣсь, сатирический журналъ 1769 г. Спб 1894 г (изд. библиографа) *Memoires de Ségur*, т. III